

Борис
Георгиев

КОЛОДЕЗНАЯ

ПЫЛЬ

УРБАНИЗМ

Борис Георгиев

Колодезная пыль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977656

ISBN 9785447488628

Аннотация

Артмастер – счастливый человек. Что ему стоит дом построить? Нарисует – будет жить. Он трудится как пчела, стены современных сот из nanoармированного бетона растут быстро – вверх, вверх, до самых высот – но что бедняга артмастер будет делать, когда ничего у него не останется, кроме четырёх стен и клочка неба над головой? Не превратится ли он от жизни такой в насекомое?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	32
Глава четвёртая	53
Глава пятая	69
Глава шестая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Колодезная пыль

Борис Георгиев

...в каждой ячейке жила человекоподобная пчела, может быть даже личинка. Это было ощущение единства моего собственного тела и тела гостиницы, где меня поселили. Одновременно я был и человеком и зданием.

Валентин Катаев, «Святой колодец»

© Борис Георгиев, 2016

© Борис Гончарук, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Дверь цвета слоновой кости спела деревянным голосом, лениво повернувшись на петлях.

– Что ж такое опять? – спросил Валентин Юрьевич и взялся за литую ручку.

– Недели не прошло, – брюзжал он, слушая дверной скрип.

Квартира номер четыре старчески зевнула, показала коридорное горло.

– В прошлую пятницу тебя стесал, – напомнил Валентин Юрьевич стёсанному чуть не до палубных досок пола порожку. Весь в зарубках, ни дать ни взять – календарь Робинзона.

Валентин Юрьевич осмотрел дёсна дверного зева: «Опять?..» – и убедился, что был прав. Снова перекосило коробку. Тогда он, не слушая скрипучие причитания, прихлопнул дверь, налёг плечом, вонзил с вывертом ключ, вытащил. На ходу бросил через плечо:

– Дождёшься, когда-нибудь я тебя уволю вчистую. Выставляю за дверь.

Посмеялся – не так-то просто выставить дверь за дверь! – спустился, выскочил на нижнюю веранду, – не проще, чем выгнать из дому дом! – оглядел по-соседски двери нижних квартир – вторая... третья... пятая...

– О, где же ты, Резиновая Зина? – шепнул он цифре

«пять» на медной бляшке, вбитой в дерматиновую стёганку. Пожалел, что никогда больше не услышит из-за приоткрытой двери обычное: «На службу, Юрочка?» Беспамятная Резиновая Зина вечно путала сына с отцом. Подумал: «Никогда», – резво скатился по короткой лесенке нижней веранды, свернул возле крыльца шестой квартиры (вельзевулово логово!) на асфальтовую, треснувшую вдоль стены дорожку. Прочь со двора, за уго...

– О!

Чуть не ухнул в бездну. Что за новости? Там, где вчера ещё торчал строительный забор, где приходилось тискаться меж корявыми ребристыми листьями и стеною, зияла пустота. Пропась, обрыв. В него, вертась и ныряя, валились вялые листья – сорил янтарём ясень. Валентин пал на четвереньки, подобрался к самому краю и заглянул в ямину. «Метра четыре, не перепрыгнуть, – подумал он. – Да и к чему прыгать?» Бесплезно. Широкая, ровная траншея шириною четыре метра уходила вправо за угол дома, куда заглянуть не хватило духу, и влево – впритирку к зеркальной скале новостроя. За траншеей островок земли, усыпанный кирпичным крошевом – останками дома номер восемь по Девичьей улице, – но именно что островок, усеянный строительным мусором прямоугольник в окружении рвов. Валентин Юрьевич вгляделся в темень расселины, – жуть, дна не видать, голова кружится! – в чёрноте ему померещилось бурление, будто кипела смола, потом, когда привыкли глаза, он разли-

чил багровые сполохи, словно бы на дне разреза тлели угли. Не кое-как под слоем золы, а ровными рядами – как ёлочные гирлянды или нанодиодные росчерки. Такие с недавних пор повадились лепить повсюду рекламисты, обозначая контуры воздушных замков – будущих новостроев. «Ага, вот это что!» – сообразил Валентин Юрьевич и отполз от края, чтобы не сорваться. Мысль его, оттолкнувшись от воздушных замков, получила верное направление. Не рекламисты, а строители. Не видел никогда вживую, как растёт бактобетонная коробка, но догадался – это она. Сполохи внизу – огоньки СВЧ-активаторов, а бурление... «Страшно представить, что было бы, попади я туда. Силикофаги, знаете ли... Шею бы свернул, вот что. А дальше – какая разница? Переварили бы меня и отгрохали многоквартирный памятник. Нерукотворный». Разыгравшееся воображение вмиг нарисовало, как лезет из земли замешенный на крови, печёнках и селезёнках шестидесятиэтажный монумент – десять этажей под, остальные над – вздымается фаллическим символом новой жизни.

– Зачем забор убрали, идиоты?! – крикнул, вытянув шею в юго-западном направлении Валентин. Стоя на четвереньках у края обрыва, озверел больше от бессилия перед мощью техники, чем от запоздалого страха. Вопль, перекатившись через ров, потерялся над снесённым кварталом – весь западный склон холма был готов к застройке, и кое-где уже лезли из земляных дёсен желтоватые зубы бактобетонных

стен. Тут Валентин Юрьевич припомнил, что строители были в своём праве, убрав забор. Дом номер десять на перекрёстке улиц Девичьей и Черноглазовской числился отселённым, стало быть, винить в разгильдяйстве нужно не застройщиков, а себя. И не себя даже, а дражайшую половину, Ленку Викторовну, затеявшую перед отселением обмен.

– Елена Распрекрасная, – проворчал Валентин. Решил, не поднимаясь с четверенек, осторожно глянуть за угол – вдруг как-то можно исхитриться и выбраться на Девичью?

Из траншеи воняло дрожжевой фабрикой, над провалом дрожал и струился воздух. У дальнего края котлована Валентин разглядел два длиннейших вагона, оба на автомобильном ходу. Из одного спускался в яму толстый ядовито-зелёный хобот, из другого свешивались фестоны глянцевых чёрных кабелей. Позвать некого, людей рядом с насосной и силовой не было, а главное – стало ясно, что встречу с заказчиком придётся отложить. Тому, кто не умеет летать, думать нечего выбраться. Ровная, как хирургический разрез, кромка котлована достигала улицы. Строители не только дорожку начисто срезали, но и крыльцо первой квартиры вместе с палисадником.

– Пропали бальзамины Екатерины Антоновны, – резюмировал без особого сожаления Валентин и попятился, потому что уже сыпалась из-под ладоней в бездну асфальтовая крошка. Пряча по-черепаши голову, успел заметить надпись на голубом фургоне: «B.B.Elephant inc».

«Застройщикам звякнуть? Большим блу элѐфантам инк. Где-то был телефон их отдела продаж, Ленка оставила. Пусть решают как-нибудь. Но гриб?.. Молодец я, что за час вышел. Понедельник, утро, стало быть, гриб на портале своём проторчит до самой встречи. Успею застать. Интересно, чем он живѐт, когда не работает?» Что-то коснулось лица, скользнуло. Ясеновый лист лѐг на асфальт. Так и не придумав, чем живѐт в нерабочее время уважаемый заказчик, Валентин Юрьевич поднялся, небрежно отряхнул на коленях джинсы и побрѐл домой. По короткой асфальтовой дорожке, мимо вельзевуловой пристройки, по четырёхступной лестнице на веранду, где двери номер два, три, пять и лестница на второй этаж. Ах эта лестница – дубовая, сто двадцать лет, без малейшего скрипа, с балясинами точѐнными, крашеными под слоновую кость – чудо! И дверь с бильярдным номером четыре чудом была, если б не перекашивало от малейшего чиха коробку. Котлован под боком – не чих малейший. Ворочался большой голубой элѐфант в посудной лавке, давил в крошку фарфор кирпичных стен и зацепил фундамент – основу основ. Лестница – что ей сделается? Но дом перевалился, как на гребне волны корабль, охнул дубовыми балками, крякнул лагами, половицами скрипнул... Неудивительно, что перекосило коробку.

Последний жилец отселѐнного дома влачился полутѐмным коридором четвѐртой квартиры, будто бильярдный шар к лузе, мысли его костяными шарами катились по мягкому

сукну без столкновений. Стоило опуститься в кресло и сунуть голову в шлем... Борт!

Пыхнуло в глаза сияние – Энтер! – погасло. Когда Валентин смигнул, зажглось – Коннект! – рванулось разноцветное ничто, завертелось, словно самолёт из виража сорвался в штопор – Дальше, дальше! Не нужен артмастеру демпфер, с места в бой. Он привычно справился с дурнотой. Дальше! Под светящимися ладонями поплыли облака тегов; рекламные баннеры сунулись было, но тут же, по короткому жесту, пропали. Валентин повернулся на сто восемьдесят в бархатной пустоте (сапожник без сапог, артмастер без портала) отыскал блокнот и в нём адрес входа с пометкой «ГриБ». Ещё жест, и чернота лопнула снизу доверху светлым росчерком. Осталось вцепиться в края и рвануть – В стороны! На себя! – чтоб разошлись, как портьеры, половинки тьмы и пустили из одного небытия в другое.

Доступ дали, значит клиент ещё у себя. Прекрасно. Валентин Юрьевич терпеть не мог опаздывать и откладывать встречи.

– Изменяешь себе, Ключик? – рокотнул откуда-то справа и сверху грибов голос.

Валентин огляделся, вживаясь в мир. Под ногами красноватый гравий. Полукруглая дорожка вокруг фонтана – тю-

ильрийскому дворцу впору. Живая изгородь, за нею геометрически правильный парк. Справа балюстрада широкой террасы, откуда и свесился, издевательски ухмыляясь, гриб. «С камзолом я переборщил, – подумал артмастер, но от гри-масы удержался. – Слишком золота много, давит. А этот доволен, цветёт, как хризантема в петлице».

– Здравствуйте, Григорий, – пряча улыбку, проговорил артмастер.

– Борисович, – дополнил клиент, не допуская, чтобы кто-то, кроме него самого, экономил на отчестве. – Чего тебе взбрело? Договорились же в десять у «пяти углов». Пробка что ли в центре?

Валентин ответил не сразу, сначала взойшёл мраморной лестницей на террасу. Поднимаясь, косился на кабриолет, решёткой радиатора влезший в розовые кусты у фонтана. Пантера! Кобальт и хром, глазам больно от бликов. Всё это: кабриолет, парк, фонтаны, дом, камзол хозяина, шахматные плиты под ногами – придумал он, артмастер Ключко Валентин Юрьевич. Выдумал и реализовал, если можно назвать химеры реализацией. «Столик я удачно приткнул, – заметил про себя артмастер, отодвинул лёгкий плетёный стул и сел без приглашения. – Что мне взбрело, спрашиваешь? Не твоё грибово дело».

– Я решил зайти к вам, – ответил он, глядя на хозяина декораций снизу вверх, – в порядке авторского надзора. Да вы присаживайтесь, гри... Григорий Борисович.

«Чёрт, не хватало его в глаза обозвать грибом».

– Это ты хорошо придумал, – пыхтел, усаживаясь напротив, гриб. – А то как-то не по-людски. Вечно ты меня таскаешь по левым забегаловкам.

– Вы же в реале меня к себе не зовёте, – скучливо (сколько можно повторять!) бросил артмастер.

– Сто раз тебя спрашивал, Ключик, зачем в реале?

– Сто раз отвечал: чтобы сделать вас таким, каким вы хотите стать, я должен видеть вас таким, какой вы есть на самом деле, – сказал Валентин, подумавши: «Гриб, который мечтает стать дубом».

– Сто раз ты меня видел в реале, зачем я тебе нужен в сто первый?!

«Стану я тебе рассказывать об итеративной психопластике», – подумал Валентин и сухо ответил:

– Мне нравится беседовать с людьми, а не с призраками, которых я же сам и выдумал. И хватит об этом. Если не возражаете, давайте ближе к делу. Вы говорили, что-то не так с автомобилем?

– А? Да. Нет, не то чтоб не так... Стрёмно. Даже не знаю, как тебе...

Гриб мялся, Валентин силился под виртуальной маской клиента – респектабельность, чувство собственного достоинства, безусловное превосходство – разглядеть истинного человека. Припомнил, каким был этот Григорий Борисович, когда в первый раз встретились. Тени тёмных делишек во-

лочились за ним, как хвост за ящерицей, теперь же они едва заметными чёрточками залегли у крыльев носа и в брезгливой складке губ. «Хорошо, что лексикон у него не изменился», – подумал артмастер. Чтоб сдвинуть с мёртвой точки забуксовавший разговор, предложил:

– Попробуйте описать момент, когда ощутили неудобство.

– Момент? Ну, прикинь, отвёз я свою в салон, высаживаю, и тут... Нет, это позже было. Когда вылезала – всё путём. Ножка на шпильке... Чмоки-чмоки... Она вся такая... И дверцей – хлоп! И тут... Ты понял? Нет, не тогда, позже, когда подъезжаю я к офису, поворачиваю, дверь нараспашку, и неспешно так высовываю ботинок... Вот в этот самый момент и ёкнуло.

– Что «ёкнуло»? Текстура сбилась?

– Какая текстура? Внутри ёкнуло. Всё не то, понял? Невдобняк перед пацанами – тачка голубая, сам я получаюсь вроде... Ну, ты понял.

«Понятно. Психологическая несовместимость образов, разрыв».

– Понял. Делаем вторую машину?

– Не, ты не врубился. Как я с двумя буду? Что я – на одной Ариадну в салон, а на другой... И бабок не меряно. Ты мне сделай, чтоб и туда и сюда, понял?

– Трансформер?

– Чего?

– Два в одном. Смену кожи я сделаю по вашему эмоциональному состоянию. Жену отвезёте в салон на этой – Валентин кивнул кобальтовой пантере, – а по дороге в офис или на деловую встречу... Одним словом, когда вы подумаете о делах, кожа сменится.

– Когда подумаю о делах?.. – с сомнением протянул Гриб. – А ёкать не будет?

– Нет, если вы не питаете нежных чувств к паца... К вашим партнёрам.

– Ты на что намекаешь? – возмутился Григорий Борисович, но тут же сник. Пожевав губами, спросил:

– Сколько денег?

– У вас остался расчёт по скину? Прекрасно. Разделите на два. Срок исполнения – неделя.

– За полцены? Ничё, но тоже бабки. Ты смотри, если чё не так... Ты меня знаешь.

Валентин смерил взглядом фигуру в камзоле, развалившуюся в плетёном кресле, и после сказал:

– Знаю. Оплата после приёмки. Нужен доступ к вашей психофизике, без этого работать не начну.

– Внутри у меня копать будешь? – нехорошо улыбаясь, спросил Гриб.

– Больше вовне. Мне всего-то и нужно – ситуационная привязка.

Гриб, не снимая прохладной улыбки, негромко сказал:

– Смотри, если чё – зарюю.

– Меня уже зарыли, – неожиданно для себя самого ответил Валентин, которому почему-то вспомнился котлован. Засим он кивнул, выбрался из кресла и хотел отбыть, но гриб остановил:

– погоди. Надо чтобы и Ариадне подошло. Тебе и её профиль дать?

Артмастер глянул на клиента искоса, при этом роскошный камзол на миг разбился в треугольные дребезги. «А движок-то сбоит, – отметил про себя артмастер. – Надо саппорту настучать, пускай разбираются. Психофизика Ариадны? Обойдусь. Эта никогда не меняется».

– Не нужно, – сказал он клиенту, и, желая пошутить на прощанье, продолжил:

– Разве что вы хотите заодно и жену поднастроить.

– А ты и это можешь? – с надеждой осведомился гриб.

– Я не бог, – буркнул Валентин, подумав: «Не бог и без сапог. Свою бы тоже... Если б мог».

Сухо распрощался, отыскал в облаках малоприметный крестик, схватился за него и дёрнул, чтоб выпасть из чужого небытия в собственное.

Глава вторая

Высвободив голову из шлема, Валентин с минуту бездумно разглядывал чернолаковый шар. Без номера. Шлем дружески подмигивал огоньками, словно бы приглашал вернуться в уютную черноту, где под руками привычные инструменты, где ничего не стоит вырыть котлован и тут же зарыть его.

– Котлован? Что-то я хотел... – бормотал артмастер. – Позвонить куда-то. Телефон собирался найти. Да! Звякнуть голубым слонам в их посудную лавку! Номер где-то тут.

Артмастер водрузил шлем на стол, потянулся к терминалу, пролистал записную книжку, но мигом найденный телефон коммерческого отдела застройщика перекрыло срочное сообщение: «Отправел время пошло», – лоскутом поверх всех окон.

– От чего время пошло? – тарашась в экран, осведомился Валентин Юрьевич. Потом, глянув, кто отправитель, понял.

– А, от гриба. Прислал доступ. Неделя у меня.

Нестерпимо захотелось тут же нырнуть во тьму мастерской и взяться за работу – со вкусом, без спешки. И чтобы провалились все голубые слоны в мире туда, в свой котлован, прихватив заодно заказчиков с их жёнами и проблемами, и не с одними только их жёнами, а и вообще.

– Тон-н! – грянул гонг. Вызов.

Хоть и успел надеть шлем, но отрешиться от действительности не удалось, во мраке перед глазами мигала зелёная телефонная трубка – метка входящего вызова.

– Легка на помине.

– Тон-н! – подтвердил зуммер.

Пришлось снять шлем. Валентин взял со стола допотопную телефонную трубку и сказал в неё, старательно пряча досаду:

– Ленка? Привет.

– Ва-аля-а! – хрипловато мурлыкнул в наушнике Ленки Викторовны голос. Как всегда, стоило Ключику её услышать, прочее померкло. Голосом она некогда взяла над артмастером власть, и, хоть со временем влияние ослабло, не исчезло полностью.

– Ва-аля, почему так долго не брал трубку?

– Понимаешь, я получил заказ, и...

Ленку и не интересовали оправдания.

– Слу-ушай, – ворковала она. – Такой вариант наклюнулся, прелесть. Совершенно случайно подвернулся молодой человек почти в центре, и получается, что без доплаты. Ты слышишь?

– Слышу. Молодой человек без доплаты, – повторил Валентин.

– Не перебивай. И чего таким кислым тоном? Трёшка на ту двушку, что вчера, и однушку, где бабуля с котом и без ремонта. Двадцать четвёртый этаж, вид на реку, два санузла,

Один с окном...

– У бабули санузел с окном?

– Что? При чём здесь бабуля, у неё без ремонта. Я тебе о молодом человеке, который с видом на реку. Слу-ушай, я еду смотреть, а то перехватят. Валь, ты слышишь, там всё как по заказу. Тебе комнатуха под мастерскую – во двор, а спальня и гостиная на восток. На реку вид – сказка.

– Погоди. На какую реку? Ты где вообще?

– Ты что, Валь? Валя-а, ты с луны свалился? – обижено промяукала трубка, после чего Валентину Юрьевичу сообщено было, что его супруга второй день обретается не где-нибудь, а в столице, и трудится как раб на галерах, пытаясь обеспечить семью достойным жильём. А если кому-нибудь это безразлично, то он, конечно, может не брать трубку вообще, но тогда пусть пеняет на себя, мнение его в таком случае учтено не будет.

– Понятно, – перебил Валентин, непроизвольно глянув на часы. – Я согласен, Ленка. Ты это хотела услышать?

– Я хотела услышать, что ты рад.

– Я просто счастлив за бабулю и её молодого человека с видом на реку.

– Ты всё перепутал. Вот слушай. Тех, которые хотели двушку и двушку, мы вычеркиваем, перебыются. Полковник на кругу тридцать восьмого с совмещённым санузлом разъезжается в две единички, его двушка пойдёт молодому человеку с видом на реку, он переезжает к невесте. А ту единич-

ку, которую он получит...

Артмастер перестал слушать. Многозвенный обмен, затеянный женою ради переезда в столицу, приближался к счастливому разрешению, удержать в голове все связанные с ним операции Валентин теперь даже не пытался. Временами ему казалось, что и Елена Викторовна кое-что упускает из виду по неопытности, но сладить с нею, после того как она ради обмена сделалась риелтором, стало невозможно. Нашла себя. Авторское право, по коему была специалистом, никогда её не интересовало, и в этом её можно было понять, авторское право скучная штука! Однако азарт, с каким Ленка окунулась в торговлю чужой недвижимостью, Валентину Юрьевичу не импонировал, и более того – производил впечатление отталкивающее.

– И река. Он говорит, что мне обязательно понравится. Такой симпатичный! – трещала Ленка.

– Вид на реку симпатичный?

– Что? Ты меня не слушал? Говорю же, в квартире ещё не была, как раз туда еду. Молодой человек симпатичный. А ты...

– А я работаю. Извини Лен, но тут такое дело – рядом с домом всё разрыли, а мне...

– Работаешь? А я, по-твоему, чем занята? Всё, некогда лясы точить. Пока.

– Пока, – сказал Валентин опустевшей трубке.

Котлован, гриб, теперь ещё и Ленка с обменом – не мно-

го ли для одного утра?

– Он молодой, симпатичный и с видом, а я уже нет, – выцедил сквозь зубы Ключик, с ненавистью разглядывая адресные данные голубого слона. Поверх записной книжки ползла строка, неизвестно как преодолевшая запрет на показ рекламы: «Цены от застройщика! Новинка сезона! Нолькомнатные квартиры в сотовых кондоминиумах! Эксклюзивные порталы от лучших артмастеров – в подарок! Спешите, количество сот ограничено! Только в V.V.Elephant inc. премиум-сота по цене квартиры эконом-класса!»

– Нолькомнатные? Что ещё за бред?

«Дворец в обмен на хижину! – не унималась ползущая строка – Ты всё ещё прозябаешь в унылых трущобах?»

Артмастер зашипел, как проколотый мяч, схватился за телефонную трубку и стал совать пальцем в стёртые клавиши. После – ту-ут, ту-ут, ту-ут, – трёх гудков в ухо протрубили фанфары, – та-да-да-та-тада!

– Вас приветствует компания «Би Би Элефант инк»! Если вы хотите ознакомиться с нашими специальными предложениями, нажмите клавишу «один».

– Я хочу говорить с вашим директором, – сказал Валентин, но мадам с шёлковым голосом не обратила внимания.

– Если вы хотите прослушать список возводимых объектов, нажмите клавишу «два», – игриво говорила она.

– Тьфу ты! – сплюнул артмастер. Успел за последние несколько лет отвыкнуть от тупых телефонных роботов. За-

стройщик приобрёл где-то по случаю устаревшую автоматическую станцию. Нужно было дожидаться, пока исчерпаются пункты звукового меню и трубку возьмёт живой оператор.

Валентин Юрьевич поднялся и, держа телефон несколько на отлёте, подошёл к окну. В трубке неразборчиво журчал голос и попискивал зуммер, за окном яшень пошевеливал ветвями и ронял янтарные капли. Беззвучный их полёт по свинцовому тучному небу подействовал на артмастера успокаивающе. Он поднёс трубку к уху.

– Ждите ответа оператора, – обиженно проговорила шёлковая барышня.

– Жду я, жду. Что ещё мне остаётся?

– Что?! – недовольно переспросил совсем не шёлковый голос.

От неожиданности Валентин смешался и заговорил путано:

– Э-э... Девушка! Тут у меня дома... Я не могу выйти! Ваш котлован... Я, конечно, понимаю, строить надо...

– Молодой человек! – перебила девушка, в голосе её звякнула сталь. – Здесь не производственный отдел, а бухгалтерия. Переключаю на автосекретаря.

– Погодите! – взмолился Валентин. – Не надо автосекретаря, лучше производственный отдел!

– Звоните, сами не знаете куда! – отрезала стальная леди и пропала из трубки.

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут», – считал Валентин.

– Да?! – после десяти сигналов отозвался женский голос.

– Это производственный отдел?

– Бухгалтерия, – бронзовыми молоточками отчеканила стальная леди. – Это опять вы? Я же вас переключила!

– Там не берут трубку. Переключите, пожалуйста...

– Я что вам тут – телефонная барышня? – взвилась бухгалтерия. – У меня месячный отчёт! Кха! Кхм! Голос уже сорвала всем отвечать.

«Сейчас повесит трубку, – обеспокоился Валентин. – Надо что-то делать».

– Очень жаль, – произнес он, старательно имитируя сожаление. – У вас такой милый голос. Вот если бы автоматическая секретарша разговаривала как вы, я бы только и делал, что звонил в вашу фирму.

В трубке помолчали, подышали, потом негромко сказали:

– Да? Так вы говорите, не берут в производственном отделе трубку? Они, наверное, на совещании у директора. Вы по недоделкам звоните?

– Скорее по переделкам.

– Это как? – ни малейшей примеси металла в бухгалтерском голосе не осталось.

– Попал в переделку. Производственники ваши на Девичьей улице восемь вырыли котлован, и я теперь арестован – не могу выйти из дому.

– На какой, вы говорите, улице?

Валентин повторил. В трубке хихикнули. Стало слышно,

как щёлкает клавиатура – бухгалтер поднимала документацию. «Есть такой объект, – рассеянно комментировала она. – Сота. Степень готовности... Котлован, да. Ужас какой. Арестован? Даже не знаю, что бы я делала, если бы... Как вас зовут? Валентин? Очень приятно, Маргарита. Бактобетон уже пошёл, остановить – никак. Но позвольте, шестой номер снесён, десятый отселён. Где вы там?

– Десятый номер. Я не отселён. Это ошибка.

– Да-а? Ну я даже не знаю... Это теперь только с директором. Сейчас, я гляну. Может записать вас на приём? Знаете что, Валентин с Девичьей, заходите сначала ко мне.

Бухгалтерия заговорила совсем уж шёлковым голосом, в предвидении возможной встречи Валентина Юрьевича пробил холодный пот.

– Невозможно. Я арестован. И у вас же месячный отчёт.

– Да-а? – протянула Маргарита. – А, ну да. Тогда я сейчас сообщу директору. Вам перезвонят. Но вы, когда освободитесь, заходите. Я как раз управлюсь с отчётом. Зайдёте?

Валентин с Девичьей улицы в ответ выразился невнятно, бросил трубку и отёр пот со лба. У стальной леди стальные оказались и коготки.

– Однако и мне пора за работу.

Он надел шлем, словно с головой погрузился в чёрную воду.

В мастерской артмастера всё должно быть под рукой, но «под рукой» – всего лишь фигура речи. Не рукой, а всем

собою артмастер из бесплотного ничто извлекает нечто. «Психофизика после, сначала основа. Где тут грибовы файлы?» Задев локтем ссылку, Ключик вскрыл папку с заготовками и провернул выпавший пёстрый веер до нужной страницы. «Вот подшивка». Подсвеченными пальцами перебрал он закладки, – геодезия, парк, макеты, макеты, эскиз интерьера, опять макеты... Вот! – вытащил скин, машинную шкурку. Левой рукою, не глядя, в примитивах порылся и подцепил болванку электрокара. Стандарт. «Все вы на одно лицо, без меня болванками облезлыми останетесь на веки веков», – подумал он и в пустоту вбросил матрицу граничных условий стандартного электрокара, кости без мяса и кожи. Воображение подсунуло картину: унылая улица, по ней тащатся в обе стороны потоки одинаковых угловатых машин. «Так оно и есть в реале, унификация – страшная штука», – подумал дизайнер, от видения отмахнувшись. Поддел указательным пальцем скин, накинул на машинные кости, как хозяин на вешалку вешает шляпу. Кости обросли мясом, глаза пантеры сверкнули стеклом и хромом, кобальтом оделось мускулистое тело. «Теперь, кошечка, позволь я тебя немножко раздену», – едва шевеля губами, шепнул артмастер, перебирая метки слоёв, но...

– Тон-н! – прозвучал за спиною гонг.

– Я занят! – раздражённо бросил Ключик. Никак не мог добраться до нужного слоя.

– Тон-н!

– Чтоб тебя задавило! – рыкнул артмастер, но – делать нечего, снял палец с карусельной панели выбора слоя и повернулся к службам. Пиктограмма в виде телефонной трубки налилась изумрудным светом. Входящий вызов.

– Тон-н! – в третий раз ударил гонг.

Выходить не хотелось, Ключик тронул пиктограмму. Болтать в мастерской – пошлое дело, но меньшее зло.

– Сейчас-сейчас! Он подойдёт, я знаю, – мурлыкнула из пустоты Ленка Викторовна. Впечатление было такое, что говорила отвернувшись. После паузы стеклянными бусинами рассыпался в темноте её смех. Кто-то третий рассмешил её, отпустив в адрес Валентина Юрьевича шутку.

– Да, он такой, – смеясь, подтвердила она.

– Какой? – спросил у пустоты Ключик.

– Дремучий, – пояснила жена. – Валя-а, я тут смотрю квартиру, и знаешь, что думаю? Как мы жили в этой твоей затхлой норе? Ведь там нету воздуха, одна пыль! Отвратительное старое дерево повсюду, кирпич, дранка, штукатурка... Перхоть! Фу! Песок в щелях, как грязь под ногтями у покойника. Твой дом – труп. Как хорошо, что наконец-то его зароят! Слу-ушай, Валь! Тут небо! Ты слышишь? В спальне на полстены – небо! Валя-а! Чего молчишь? Как бы мне хотелось тебя встряхнуть! Ты весь вывалился в пыли, Валь...

– Это моя пыль, – угрюмо сообщил Валентин Юрьевич, слушая смех жены. – Ты пьяна?

– Я? Просто здесь воздух и небо. Немного шампанского за знакомство. Спры... снули пред-ва-рительный договор.

– Ты, значит, уже подписала, – сказал Валентин Юрьевич и сам удивился, до чего неприятно получилось.

– Конечно, подписала. А что? Упускать такой вариант? Ну нет, зря что ли я, как ломовая лошадь... И Евгения надо бы отпустить к его невесте, правда, Женечка? Валь, только не говори, что ты против.

– Мне всё равно. Пусть катится к невесте, чёртov твой Женечка. А ты...

– Как ты можешь?! Незнакомого челове... Что-о? Ты и меня тоже? Ва-аль!

– Идите вы все к чёрту! – заорал в темноту Ключик, не в силах более сдерживать клокочущую ярость. Если б мог, швырнул бы туда чем-нибудь тяжёлым, но судорожно сжатые светящиеся пальцы схватили пустоту. Это несколько не успокоило артмастера, наоборот, подлило в огонь масла.

– Пошли! К чёрту! Все! – плевался словами Ключик. Никак не мог угодить пальцем в рубиновую пиктограмму, поэтому шарахнул наотмашь. Кулак проскочил сквозь, пиктограмма налилась кровью. Отбой. Но артмастер всё ещё отплёвывал вместе с желчью остатки утренних дрызг:

– Всех вас в шестую квартиру к Вельзевулу в сортир! Слоны голубые с невестами, Маргариты с грибами, все! Построились парами и пошли к свиньям, с видом на реку топиться! В котлован с бактобетонным дерьмом по уши! И чтоб вас там

задавило битым кирпичом пополам с перхотью! Кха! Кха!

Поперхал охрипшим горлом, немного остыл. Хотел прижать к вискам руки, но, как и всегда, вовремя остановился. Небытие, тела нет. Пульс в висках и кашель – всё это за пределами пустоты, как Ленка. «И хорошо», – не без досады подумал артмастер. Повернулся к рабочей зоне, перетащил поближе панель слоев, крутнул её, наудачу ткнул в карусель, и – надо же! – с первого тыка угодил в последний слой интерьера. Осталось подняться на уровень выше и...

– Тон-н! – грянул за спиною гонг.

– Перезвонила всё-таки! – Ключик бросился к зазеленевшей трубке, снова потеряв искомую границу между интерьером и экстерьером. – Ленка?!

В пустоте прозвучал незнакомый мужской голос:

– Валентин, э-э, извините, не знаю отчества.

– Юрьевич, – подсказал артмастер. Вышло суховато, потому что надеялся услышать жену, а не какого-то тенора.

«Кстати, кто это? Не Женечка ли?» Впрочем, всё разъяснилось быстро.

– Управляющий «Би Би Элефант» вас беспокоит, Старицкий моя фамилия, – представился тенор. – Владимир Александрович. Мне доложили, что вы, находясь незаконно в отселённом доме номер десять по улице Девичьей, оказались по собственной неосторожности в э-э... безвыходном положении. От лица общества с ограниченной ответственностью «Би Би Элефант» я должен поставить вас в известность, что

все последствия ваших безответственных действий...

– Минутку, – остановил управляющего Валентин, пытаясь собраться с мыслями: «Ответственность – безответственность... Управляющий. Погонщик слонов. Незаконно? Это ещё почему? Сертификат у Ленки на руках, обмен пока не состоялся, компенсация за квартиру не получена, я тоже в своём праве. Спокойнее. Криком здесь не поможешь».

– Минутку, Владимир... как вас?

– Александрович.

– Так вот, Владимир Александрович, квартира четыре в доме по улице Девичьей принадлежит мне. Положенной по закону компенсации от муниципалитета я не получил, нахожусь в своей квартире на законном основании. Нахожусь, и, заметьте себе, буду находиться, пока не истекут два календарных месяца со дня погашения компенсационного сертификата.

– Два месяца?! – вполголоса пропел тенор.

– Два месяца! – подтвердил Валентин. – И должен поставить вас в известность от собственного лица, что я, Ключко Валентин Юрьевич, намерен немедленно обратиться в муниципалитет с жалобой на действия вашей лавочки. Вы чуть не сорвали мне деловую встречу с гри... Знаете с кем? Лучше вам не знать.

«Да я и сам не знаю, кто он», – мельком подумал Ключик, но продолжил в том же тоне:

– Если по вашей вине я не смогу выполнить срочный за-

каз – а сроку у меня на выполнение неделя, – знаете, что я тогда сделаю?

«Чёрт меня знает, что я тогда буду делать. Возможно, скажу грибу, что придётся ему подождать ещё неделю».

– Два месяца! – трагически взвыл тенор. – Но бактобетон уже пошёл!

– Два месяца и ни днём меньше! – сурово отчеканил Ключик. – И все эти два месяца мне нужно где-то брать еду, питьё, куда-то выбрасывать мусор...

– Бактобетон пошёл, – бормотал управляющий, – Скоро пройдёт «ноль»... Эвакуация? Послушайте, господин Ключко, я, конечно, приношу вам всяческие извинения от себя лично и от фирмы, но войдите в моё положение. Единственное, что я могу предпринять, – обеспечить эвакуацию. Мы подгоним автовышку, снимем вас. На каком вы этаже?

Эвакуация. Документы, деньги... А книги?

– Минуточку, Владимир, – сказал Валентин и высвободил голову из небытия. Пустота отступила, дом обнял выбитого из колеи хозяина.

Валентин сгрёб со стола древнюю радиотрубку и опрометью кинулся в гостиную, где рядами по стенам книги, книги; где в дешёвых рамах отцова мазня. Фортепиано. Снова книги. Статуэтка Дона Кихота с книгой в руках, а под ногами Рыцаря Печального Образа, там, куда указывает острие кукольного меча, на книжной полке за стеклом щербатая синяя тарелка. Эвакуация? По семейному преданию в тот день, ко-

гда во время налёта бомбой разворотило внутренности дома номер десять по Девичьей, семьи по счастливой случайности дома не было. На второй после налёта день Ключика-старшего, Юрочку, взбалмошные родственники отправили на развалины – разведать, что и как. Война только ещё притронулась к городу, никому из взрослых не пришла в голову простенькая мысль – посылать в разбомбленный дом десятилетнего мальчишку небезопасно. Ключику-старшему по малолетству мысль эта тем более не могла прийти в голову. Крыши у дома не было, но устояли стены. Кое-где встречались и перекрытия, лестница на второй этаж уцелела. По ней и вскарабкался Юрочка к пролому в кухонной стене и, сунувши голову в самое сердце искалеченной квартиры – в кухню, увидел на вершине безобразной кучи из битого кирпича, досок и драни вот эту самую голубую тарелку. Целёхонькую. С риском свернуть шею он спас её и принёс семье. Прочее имущество прихватить в эвакуацию не удалось, после первого нежного прикосновения война взялась за город грубо. Всё, кроме голубой тарелки, пришлось наживать заново.

– Эвакуация? – переспросил у радиотрубки Ключик-младший. – Нет, я не согласен.

– Не согласны? – с готовностью отозвался тенор, будто только того и ждал. – Великолепно. Тогда я отмечу вас как отказника и переправлю жалобу в муниципалитет. Та-ак. Девичья. Десять. Ключко. Валентин. Эвакуация. Отказ. Статус? Потерпевший. Отправлено. Всё, Валентин Юрьевич,

ищите ваш запрос в электронном муниципалитете под номером...

Управляющий повеселел, цифры диктовал празднично, однако Валентин Юрьевич Ключко номер не записал – некуда было и нечем. Он машинально распрощался с тенором и, слушая короткие гудки, стал обдумывать, чем грозит отказ от эвакуации и к чему обязывает законопослушного гражданина статус потерпевшего.

Глава третья

Грубая настройка скелета автомобильного кузова была закончена, можно бы взяться за доводку, но Ключик заметил вдруг, что мажет мимо меток привязки «Прерваться надо бы», – решил он и потащил с головы шлем. «Экая тьма за окном, не хуже чем в мастерской. Который час?»

На стенных часах, с анероидом которые, восемь с четвертью, вечер. Семьсот сорок два миллиметра на барометре. Валентин кряхтя вылез из кресла – ноги-руки затекли, в глазах пятна, мутит, – постучал по выпуклому стеклу. «Вот оно что». Остроносая стрелка перескочила на дождь. «Семьсот тридцать, потому и мутит», – подумал артмастер, но тут же понял: не виновата погода, просто очень хочется есть. «И опять пересидел в шлеме. Забылся». Инструкция предписывала после двух часов работы перерыв, но как прерваться, когда держишь в каждой руке по оси, локтями правишь радиусы кривизны, а правой ногой тянешься выключить тупой сплайн-аппроксиматор. Или когда мечешься подобно ошалевшей мухе из одной точки обзора в другую, силясь понять, в какой момент летит к свиньям перспектива и вырастает на спине модели квазимодов горб. «Ночью снова будут мучить кошмары, одно спасение – плотно поесть». Ключик поплёлся на кухню, на ходу соображая, осталось ли в холодильнике съестное или придётся переться на ночь гля-

дя в супермаркет заготавливать фураж. Жены вроде бы нет дома? Ленка!

Задавленная темнотою память ожила. Ленка так и не перезвонила. Квартира с видом. Женечка. Пыль. В супермаркет не выйти. Стальная леди. Арестант. Погонщик слонов. Эвакуация. Потерпевший.

Ключик переменил намерение, не направо по коридору в кухню (всё, что там было, почато вчера и доедено утром), а налево, в гостиную повернул. Из окна выглянуть. На подоконнике телефонная трубка. «Ну да, тут я её и оставил, когда решил: чем тратить время на муниципалитет, лучше возьмусь за работу. Посмотрел в окно, подумал...»

– Да, я подумал о том, как буду за жратвой со второго этажа выбираться. Подумал я так и решил: а ну его к чёрту, потом позвоню в мэрию, пусть там решают, как помочь потерпевшему. А ведь можно было бы...

Валентин вытянул из кармана джинсов связку соседских ключей. «Можно к Вельможным спуститься и через их окно вылезти на улицу, – подумал он, погремел ключами, поморщился. – Ну нет. После того, что на прощание наговорила Василиса? И я ей. Лисе Вельможной. Я тоже хорош. Нет, ноги моей там...»

В памяти ожила склока, зашевелилась, как в мешке динокобраз.

Василиса принесла ключ последней, с неделю назад. Не переступая порог, протянула ногтистую пухлую лапку ладонью вверх и, старательно не попадая в глаза, проговорила с ненатуральной живостью:

– Привет, Ключик. Ма сказала, ты заделался ключником?

Помолчала, заметила, что похожий на золотистую рыбку ключ не исчезает с ладони; глянула, отвернулась и снова буркнула в сторону:

– На, возьми.

Каблучок лисьей туфельки нетерпеливо прицокивал по плитчатой нижней веранде. Поскрипывала натянутая на телесах Василисы дорогая тиснёная кожа куртки. Круглое, замакияженное наглухо личико выглядело как обычно, но что-то произошло с голосом. Выцвел.

Валентин поймал рыбку за брелочный хвост и с некоторым опозданием поздоровался:

– Привет, Василиса.

Повисла пауза. Вельможная молча смотрела в сторону; артмастер с профессиональным интересом изучал массивную пустяковину, украшавшую собою мочку лисьего уха.

– Больше ничего не хочешь сказать, кроме приветов? – бесцветно поинтересовалась, выждав, сколько хватило терпения, соседка снизу.

Ленка Викторовна уверяла Ключика, что Василиса к нему более чем равнодушна. Повторив много раз собственное

измышление, сама в него поверила и поэтому относилась к девушке с ревнивым высокомерием. Ключик, знавший соседку с того дня, как её торжественно привезли из роддома, жалел девчонку, считая глупышкой и несчастливцей. Властная мать, отец – запойный философ, вечно вокруг истерический ор. Даже чёрный вальяжный кот Вельможных, названный в честь главы семьи Василием, и тот подвергался остракизму ежедневно за распутный нрав, хоть и не был пойман на горячем ни разу. Может ли в таких условиях расцвести бледненькое растеньице? Неудивительно, что ушла из дому лет шестнадцати и с тех пор появлялась на Девичьей редко. Не странно, что регулярно попадала в истории. Вполне естественно, что за помощью обращалась не к матери (та, громогласно скандаля, нередко обзывала дочь потаскухой), а к соседям. Выглядела при этом, несмотря на поппсовый прикид, жалко, и Ключик её жалел. «Вправду что ли она ко мне... – покаянно размышлял он, сжимая отобранный у Василисы ключ. – Боится потерять и потому в глаза не смотрит? Не хочу ли я ей что-то сказать?.. Но что?»

– Василиса, всё к лучшему. Ну, бывает, надо с чем-то расстаться. И чем плохо – ты сможешь разъехаться с родителями. Я слышал, что ты... Я хотел бы... – Ключик мучился, подбирая слова, но подворачивалась плоская банальщина вроде счастья в личной жизни.

– Расстаться?! Слышал он! Нет, ну знала я всегда, что ты тот ещё жучок, но это перебор, – с неожиданной злостью

выпала Вельможная и теперь уж глянула прямо в глаза. — Слышал. Растрепали тебе, а ты и решил под шумок сбегать, думал — съеду, забуду.

— Что сбегать? — опешил Ключик.

— Шматьё моё и технику. Что, скажешь, не ты тут химичил на раздаче?!

Ольга Александровна, когда съезжала, оставила Валентину ключи от квартиры номер три и попросила отдать кое-какие вещички двум-трём родственникам, которые зайдут на днях. Обещала присылать записки с точными указаниями. Первые десять-пятнадцать человек действительно предъявляли пожелтевшие выдирки из тетради в косую линейку, на которых пляшущим почерком Ольги Александровны накарябано было: «топчан вас зел бол комн», «мойка кух» или «занаве цветаст все», а ниже красовалась разбитая параличом подпись. Хоть гости и не были похожи ни на кого из Вельможных, особенно вьетнамец, унесший все цветастые занавески, Ключик исправно выдал и занавески, и топчан Василия из большой комнаты, и мойку из кухни, и множество других полезных вещей. Через две недели поток записок иссяк, но родственники поступали в том же темпе. И гости пошли какие-то подозрительные, поэтому пришлось Валентину Юрьевичу требовать телефонного подтверждения, каковое подтверждение он получал неизменно. Обязанности кладовщика утомили его. Вещи, казалось, не закончатся никогда, но в один прекрасный день явилась бомжева-

того вида компания и забрала всё тряпье, ворохом валявшееся по углам, а напоследок сняла карнизы и обрезала под потолок люстры. Каждая тряпица при этом послужила объектом отчаянного телефонного торга, в итоге кладовщика ожидал приз: соседка сдержано поблагодарила его в телефонном режиме и сказала, что больше не придёт никто. Вполне понятно – приходить-то незачем, разве что Ольга Александровна ухитрилась бы продать кому-нибудь паркет и бывшие в употреблении обои. Но кое-кто всё же пришёл. Василиса Васильевна Вельможная.

– Ты о вещах? Ну, я отдавал, – помявшись, ответил Валентин.

– Ну-ну, баранки гну, – жёстко молвила Лиса Вельможная. – Деньги где?

– Твоя мама...

– Ты стрелки не переводи. Па говорил, что из всех соседей самый хитрозобый Паша, но оказалось – нет. Мать, говоришь? Короче, вот как сделаем. Я там тебе денег сколько-то была должна, так теперь в расчёте. Если что, остаток слупишь с моих. Можешь квартиру нашу сдать пока суд да дело, свободна же. Всё. Некогда с тобой вошкаться, у меня скоро свадьба. Привет.

– До свидания, – выдавил Валентин, глядя, как Василиса спускается по четырёхступной лестнице.

– Лучше прощай.

– Поздравля... – начал Ключик, но не договорил. По-

здравлять некого, лиса вильнула хвостом, скрылась.

Валентин ободрал с ключа брелок, поискал куда деть, не нашёл и с досады швырнул в угол. «Чтоб я ещё раз! Ноги моей больше в их квартире не будет», – думал он, накручивая на кольцо связки последний соседский ключ. Тоскливо стало ему. Вспомнилось, какую Василиса была, когда впервые пришла просить денег в долг, и какую была, когда заглядывала по-кошачьи в окно кабинета, взобравшись на старую акацию. От акации остался корявый неохватный пенёк, а Василиса... «Когда успела остервенеть? Не заметил. Почему только она? Все мы».

На облитой осенним солнцем нижней веранде он стоял неделю тому назад и разглядывал связку с ключами всевозможных цветов и фасонов. Пытался вспомнить.

Рассобачились. Когда? Да вот же, когда потянулась бодяга с расселением. А началась она, как и положено, склокой.

Середина июля, жара. Солнце ушло, окна кабинета нарасташку, но это помогает мало, дворик раскалён, как жаровня. Утром – ничего, с восточной стороны дом закрыт высоченной стеною многоярусной дорожной развязки. Днём – ничего, с юга зеркальной скалой торчит новострой. Но часов после трёх, в самое пекло, солнце выглядывает из-за стеклянной грани высотки и заливает двор жаром. Нет спасе-

ния от него, не помогает зажатый в каменный угол ясень. Восьмой дом прикрыл бы, но он снесён, от строительного забора толку мало. Акация спасла бы, но её спилили давно, в полудневной тени пня может укрыться разве только мышь. И остаётся мучиться в зашторенной комнате от духоты, потому что клиенту всё равно, потел артмастер над заказом или нет. Но часам к пяти можно распахнуть настежь окна, чтобы хоть горячим ветром, но обдуло лицо.

В половине шестого, в середине июля Ключик полулежал в рабочем кресле, расслабленно следя за тем, как плаваются в восходящих потоках облизанные солнцем леденцовые грани небоскрёба. Заказ сдан, можно пожить на выдох.

– Куда это вы, Ядвига Адамовна? – услышал он и подумал: «Резиновая Зина не дремлет. Глаз да глаз».

Зинаида Исааковна Гольц из пятой квартиры редко упускала случай узнать цель соседских перемещений.

– К подруге, Зиночка, золотце, – ответил звучный голос Ядвиги Адамовны Вишневецкой, редкой красоты и душевности женщины, до старости ухитрившейся не растерять оба качества.

– А не в мэрии ли случайно работает ваша подруга? – пискнула Резиновая Зина тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

«Чего она взъелась?» – лениво подумал Валентин. Вставать не хотелось.

– Она давно на пенсии, – ответила Ядвига. Вставать не бы-

ло нужды, чтобы представить, как она остановилась на лестнице, подняла голову и заломила левую бровь.

– Значит, она подвизается там на общественных началах, – ядовито скрипнула Резиновая Зина.

– С чего это вы взяли, Зинаида Исааковна?

– А с того, Ядвига Адамовна, что сегодня принесли странное письмо. Признайтесь, вы тоже получили. Ведь так?

– А, вот вы о чём! Но, простите великодушно, какое я к этому имею отношение?

– А такое! Кто недавно сказал Павлику Зайцу, чтоб уже искал дом?

«Письмо? Какое-то пришло. Я ещё подумал, опять бумажный спам. В прихожей оставил, не посмотрел даже. Причём здесь Павлик и его дом?» Павел Петрович Заяц, жилец из квартиры номер один, всем успел надоесть уговорами продать разом все квартиры в доме номер десять и переехать в деревню. Всерьёз его болтовню никто уже не воспринимал.

Тащиться в прихожую за письмом у Валентина Юрьевича желания не было. Между тем, пикировка под окном перешла в новую фазу.

– Вы и ваши друзья из мэрии, подлецы-демократы, разграбили страну, – митинговала Резиновая Зина. – А теперь вы хотите выжить нас из дому? Не выйдет!

Несомненно, Зинаида Исааковна открыла дверь полностью, и, уперев левую руку с отставленной горстью в тощий бок, указательным пальцем правой изображала метроном.

– Что разграбили? После ваших друзей коммунистов от страны остались одни развалины, – приятным контрастом возражала госпожа Вишневская. – Выселять из дому это ваши методы, Зинаида Исааковна. Нет, ну это же надо! У меня знакомства в мэрии?! Прошу прощения, а ваши связи, на которые вы вечно намекаете?

Вне всяких сомнений, Ядвига Адамовна вернулась на веранду и теперь стояла перед старой комсомолкой в третьей балетной позиции. Внизу грохнула дверь. «Зина вышла из себя во двор», – решил Валентин. И точно – после короткой зловещей паузы прямо под окном вскрикнули: «Мои связи! Она говорит – мои связи!» Слышно было великолепно, точно из первых рядов партера. Видеть необходимости не было, и без того понятно, что Зина спустилась по лестнице, затем, стоя к зрителям спиной, воздела руки к небу подобно королю Лиру и вскричала. Всё было как обычно. В открытое окно кабинета полетели либералы и кровавое энкавэдэ, плутократы и диктаторы, ночные бабочки и банные комсомолки; фурией Троцкий влетел, следом протиснулся Сталин, держа под мышкой товарища Берию, потом почему-то проскакал навстречу Петлюре батька Махно. Впрочем, до настоящего времени стороны не дошли – быстро выдохлись, дал себя знать возраст. За восемьдесят обоим. Вынужденное перемирие. За кашлем и оханьем донеслось до Валентина, как бы из-под земли:

– Вася-а! Вась!

Ольга Александровна звала кого-то: кота или мужа.

– Вася-а! Слышишь меня? Выдь во двор, мне отсюда не слышно!

Оленька Вельможная имела обыкновение в это время суток сидеть у окна своей квартиры – того, что во двор. После рождения дочери расплылась, выходить в мир стало ей тяжело, поэтому утром, подобно сказочной красавице, садилась к северному окошку – к тому, что выходит на улицу, а вечером перебиралась к этому, южному. И витязей посылала на подвиги.

– Вася! Выдь, послушай, про что они. С письмом чего-то. А я тебе говорю выдь! После расскажешь.

Значит, муж, а не кот. Кот, если что и услышит, ни за что не расскажет. Не так воспитан. Джентльмен.

Очевидно, Вася Вельможный, в мальчишестве Дубровский, поддался на уговоры. Ключик услышал как: «Василий Степанович, вот вы как человек высокообразованный скажите, кто виноват?» – слегка задыхаясь, выговорила Резиновая Зина.

– Философ-водопроводчик! – иронически прокомментировала неподражаемая Ядвига.

Василий Степанович Дубровский на самом деле получил хорошее образование, окончил философский факультет университета, но обзаведясь семьёй, сменил фамилию и сделался слесарем-водопроводчиком. Пристрастия к философским умопостроениям не утратил, однако под давлением об-

стоятельств и жены приобрёл новую склонность – ноблесс облич! – запил.

– А что тут у вас такое? – хотел спросить Василий Степанович, но получилось у него только: «Ашот тутуас акоэ?» – поскольку конец рабочего дня уже был отмечен должным образом.

– Фу-у! – сказала Ядвига Адамовна. Надо полагать, вопрос угодил в неё вместе с выдохом.

– Ай! Да вы сядьте, Вася, – засуетилась Резиновая Зина, в которую угодил не вопрос, а сам Василий Степанович.

Во дворе завозились, покрикивая изредка: «Фсёяссам!» «Сюда, Вася, на крылечко. Осторожно!» «Ашот тутуас?» «Вот он, ваш пролетарий умственного труда, Зиночка, во всей красе».

– Траит суа квемкве волуптас! – звучно и неожиданно отчётливо изрёк, утвердившись на крыльце Вельзевулова логова, философ-водопроводчик.

– Знаю я ваши страсти, – заметила Ядвига Адамовна Вишневская, непримиримая к чужим порокам.

– Правильно, Василий Степанович, все беды от попов и ханжей, – поддержала соседа Зина. Латыни не зная, подозревала, что всякое латинское высказывание имеет клерикальный или антиклерикальный смысл. – Кстати, о ханжах. Павлика бы вызвать сюда, если он дома. Кажется мне, Ядвига Адамовна, что вы с ним по квартирному вопросу снюхались.

«Вызвать в собрание товарища Зайца и отхлестать, – по-

думал Ключик. – Зина соскучилась по партактивам».

– Снюхались?! Вы полагаете?! – вскипела госпожа Вишневская. – Что ж, позову, если вы настаиваете. Но вряд ли он дома.

– Нусквам эст куи убикум эст! – заявил Василий и скабрезно хихикнул.

Вишневская не услышала, ушла звать Зайца, а Зинаида Исааковна не поняла, сказала только: «Не выражайтесь, Вася», – потому что при словах «куи убикум» философа подвело произношение. Как и предполагала Ядвига, главы семейства Зайцев, Павла Петровича, не оказалось дома. Вместо него пару минут спустя госпожа Вишневская привела – Сюда, Катенька! Послушайте, что она тут врёт! – Екатерину Антоновну. «Добром не кончится, не случилось бы членовредительства, – забеспокоился Ключик. – С Павликом обошлось бы, он дипломат, но у Екатерины Антоновны южный темперамент. Надо туда спуститься». Катя Заяц, женщина с внешностью и телосложением Афины Паллады Джустиниани, родом была из кавказских греков и степенною казалась только на первый взгляд. Рождение трёх дочерей и сына несколько не смягчило её нрава; мила и смешлива была лишь в добром расположении духа, в гневе же становилась страшною. Взвесив обстоятельства, Ключик засобирался во двор, но замешкался в прихожей. Письмо упало за вешалку и нашлось не сразу. Валентин разорвал конверт на ходу, вытащил стандартный, сложенный втрое лист, развернул. Пока

спускался по лестнице, перед глазами прыгали слова: заявление, муниципалитет, аварийным, Девичья, компенсация, решение, явиться, жилищный, предоставить. «Что?!» – изумился Ключик, поименованный в письме «гр. Ключко В.Ю», но осознать в полной мере случившееся не смог. Только открыл нижнюю дверь, как:

– Он, я знаю! Ваш Заяц.

– Что вы знаете?!

– С ханжеской поповской улыбочкой воткнул! Нож! В спину!

– Улыбочкой? На себя посмотрите, Зина! Втыкать не во что!

– Зиночка, вам не стыдно?

– И вы с ним заодно?! Снюхались! Подмазали кое-кого в мэрии. Мазью имени вашего папочки. А? Что скажете, госпожа Вишневская?

– Латет ангуис ин херба!

– Что вы сказали?!

От боевого визга Резиновой Зиной кровь застыла в жилах у Валентина Юрьевича.

– Вась! Вася-а! – волновалась за мужа Оленька, улёгшись пышной грудью на подоконник и вытянув шею. С ней Ключик от растерянности даже не поздоровался. Судьба несчастного философа-водопроводчика висела на нитке. «Некстати он о змее, любая из мойр примет на свой счёт», – подумал Валентин и спустился во двор, держа развёрнутое пись-

мо как белый флаг миротворца.

– Деус экс махина! – провозгласил Василий, приветственно подняв руку. Широчайшая улыбка осветила его лицо.

– Я? Секс махина?! – оскорбилась Резиновая Зина, однако, проследив за взглядом философа, заметила Ключика и его белый флаг.

– А-а! – выкрикнула она и ринулась к Валентину.

– А-а! А! – Екатерина Антоновна и Ядвига Адамовна тоже не удержались от восклицаний.

Ключик вздрогнул, попятился, однако бросаться на него, прокусывать шею и пить кровь соседки не стали.

– Юра! И ты получил?! – выкрикнула Зинаида Исааковна, хватаясь за письмо. От возбуждения она опять перепутала отца и сына. Письмо пришлось отдать.

– Ке эси текнон Бруте! – с усталой улыбкой перевёл Василий.

– Так это по вашей жалобе нас признали аварийными? – холодно спросила Екатерина Антоновна, гречанка более чем наполовину.

– Да, точно такое же письмо, – кивая с видом эксперта, сообщила Зинаида Исааковна Гольц.

– В это я не верю, – пропела контраaltoво Ядвига Адамовна. – Валя, ведь это не вы?

– Что бы сказал бедный твой папа, – горестно кивая, говорила Резиновая Зина, потом вскинулась: «А-а! Знаю! Это она, та змея!» – и, тыча в лицо Ключика развёрнутым

письмом, зашипела:

– Мы твоей жёнушке этим обязаны?!

Ленку Викторовну со дня свадьбы невзлюбила товарищ Гольц и не упускала случая вонзить булавку.

Собрание загомонило: «Да, эта могла!» «И всё равно я не верю!» «Фуренс куйд фемина пассыт!» «Василий Степанович! Не выражайтесь при женщинах!» «Валя, скажите же что-нибудь!» «Не Ленка ли действительно накатала телегу?» – подумал Ключик, припомнив отношение жены к дому на улице Девичьей. И в этот пренеприятный для него миг случилось в безобразном спектакле ещё одно явление. Бесшумно отворилась дверь шестой квартиры, на пороге возник её хозяин. Подсел к Василию Степановичу и, возложив на плечо философу руку, заговорил отнюдь не шёпотом. Лицо его, освещённое уходящим солнцем наполовину, дёргалось, кривился рот. Вельзевул. Разные слухи ходили об этом человеке. Был он то ли цыган, то ли армянин, то ли еврей, а скорее – кровей в нём, как и в самом Ключике, намешано было понемногу. Говорили, что некогда работал в цирке с лошадьми. А может, не в цирке, а на ипподроме. А может, не работал, а играл, и не на ипподроме, а в джазовом оркестре на саксофоне. Зинаида Исааковна звала его Гарриком, но имя это шло ему, как ирокез панка православному священнослужителю. Вельзевулом за глаза именovala его пани Ядвига, потому что в любое время года, где бы ни появлялся владелец шестой квартиры, тотчас обнаруживались

неизвестно откуда взявшиеся мухи. Остальные предпочитали вслух не звать его никак, и вообще избегать по возможности, ибо в тёмном взгляде соседа чудились умыслы тайные, которые, стань они явными, ввергли бы в трепет.

– Вообрази, Вася, – пронзительным голосом равнодушно-го к чужому мнению человека говорил Вельзевул. – Раз-два и готово дело. В лучшем виде. В два дня сделали сертификат, ещё день на регистрацию прав, вчера договор с брокером, а сегодня... Х-ха!

Вельзевул звучно хлопнул Василия Степановича по тоще-му плечу. Тот тогда только понял – кто-то сел рядом, он что-то говорит, – и повернул голову.

– А! И что? – сказал он. Пребывая в безмятежном расположении духа, страха перед соседом не испытывал, а может, просто не смог установить, с кем говорит.

– А то, что я с деньгами, Вася. Знаешь, сколько отвалили за мою халупу?

Вельзевул зыркнул на Валентина и потянулся к уху Василия Степановича, словно хотел укусить. Муха, до этого времени беспрепятственно ползавшая у него по щеке, поднялась в воздух и закружилась над головой. Логическая цепочка составила сама собой: сертификат, халупа, деньги. Вельзевул успел получить за логово компенсацию раньше, чем остальные получили письма о признании дома аварийным. Стало быть, от него и поступила в муниципалитет жалоба. Какое возмещение получено, Валентин не расслышал,

заметил только, что на Василия Степановича оглашение суммы повлияло благотворно – взгляд стал осмысленным.

– Та ты шо?! – весело изумился он.

– Это дело надо обмыть! – в тон предложил Вельзевул.

Заполучить душу Василия Степановича Вельможного оказалось несложно. Вельзевул уволок его в логово, никому более не предложив разделить радость. Душу Ключко Валентина Юрьевича язвило нехорошее предчувствие. Пререканий соседок он больше не слушал, на вопросы не отвечал, письмо у Зинаиды Исааковны беспрепятственно отобрал. «Что-то случится, – думал он, поднимаясь по лестнице обречённого дома. – Что-то уже случилось. Сключничаем. Рассобачились. Что же будет?»

Ну что могло случиться после склоки? Много чего. Первым исчез Вельзевул. Отметив с Василием продажу, на следующий день бесследно пропал, словно растворился в воздухе. Ключа не оставил; куда делся, не узнал никто, даже Ольга Александровна, которая утром следующего дня горела желанием встретиться с «этим мерзавчиком» и покарать его за ввергнутого в адский запой мужа. Всезнающая Зинаида Исааковна уверяла, что Гарика забрали за какие-то старые дела в органы, но это вряд ли. Вельзевул пришёл ниоткуда и ушёл в никуда; на Девичью улицу завернул по доро-

ге, чтобы изничтожить десятый дом. Следом за ним потянулись остальные. Каким-то образом стало известно, что Ключик покидать квартиру не торопится, потому что не хочет, и бывшие соседи, приходя прощаться, оставляли ему ключи. Связка росла, набирала вес. Неделию тому назад Лиса Вельможная принесла последний ключ, унылое развлечение, навчавшееся склокой, ею же и окончилось.

Стоя у тёмного окна, Валентин перебирал ключи. Разные соседи и прощались по-разному, но конец один – нету их. «Вот так вот – выманят из дому и готово дело. Пропаду, как Вельзевул, вместе с ключами». Ключика за сердце схватил страх. «Глупости, – уговаривал он себя. – Обменяет Ленка квартиру, будет вид на реку и отдельная мастерская, столица будет, в театры ездить будем по вечерам». Но не так-то просто заболтать страх, когда он уже ухватил за сердце. Шаг за порог. Рушится дом: падает крыша, складываются внутрь стены, гибнут книги, синюю тарелку давят в пыль кирпичные зубы, а обездомевшего хозяина высасывает, как устрицу, пустота... Нет!

Ключик схватил воздуха, чуть продышался, хотел открыть окно, взял с подоконника телефон, и тут, как будто граната разорвалась прямо в руках, грянул вызов. Валентин Юрьевич от неожиданности чуть было не выронил трубку,

но справился, в клавишу попал с первого раза. Пока нёс телефон к уху, в нём пиликала музыка.

– Вас приветствует электронный муниципалитет, здравствуйте Валентин Юрьевич!

«Таким голосом только о лотерейных выигрышах сообщать» – подумал Ключик и сказал:

– Здравствуйте.

– Переключаю вас на информационный отдел службы быстрого реагирования.

Что-то щёлкнуло, лотерейная девушка уступила место мужественному мужчине.

– Гражданин Ключко Валентин Юрьевич? – спросил тот.

– Послушайте...

В трубке щёлкнуло, тот же мужчина снова спросил:

– Гражданин Ключко Валентин Юрьевич?

«Автомат», – понял Ключик и ответил:

– Да.

– По запросу юриста общества с ограниченной ответственностью «Би Би Элефант», господина Старицкого Владимира Александровича, вам присвоен статус «потерпевший». Входящий номер запроса...

Пока автомат читал цифры входящего номера, Ключик подскочил к письменному столу, зашарил в поисках ручки, нашёл, стал искать, на чём записать. Автомат тем временем прочёл регистрационный номер дела. Бумагу получилось найти только когда: «... этот номер. Щёлк! За справка-

ми обращайтесь в информационный отдел службы быстрого реагирования по телефону...»

Телефон записать удалось, и тут же – тут, тут, тут – разговор закончился гудки. Служба быстрого реагирования справилась с задачей блестяще – гражданин Ключко Валентин Юрьевич почувствовал себя потерпевшим.

Глава четвёртая

Голод не лучший советчик. Голод – слишком сильно сказано, всего-то половина девятого вечера, завтракал Валентин часов двенадцать назад, но казалось, прошла неделя. Кто чувствовал себя потерпевшим, знает: любое мелкое неудобство представляется настоящим бедствием, если рассматриваешь его сквозь линзу жалости к себе самому.

В голове Ключика крутилась тошная муть. Бросить всё и дезертировать через окно Вельможных? Нет, ноги моей там не будет. Нельзя! Из дома выйдешь – всё пропало. Есть хочу, не могу. Лезть в окно? Я быстро, туда и обратно. Нет, нельзя. Потерпевший? Пускай тогда доставляют еду эти, которые быстрого реагирования. Должны же. Или не должны? Хочу есть. Обозвали потерпевшим, бросили трубку. Но есть телефон. Позвонить им? Или в какую-нибудь доставку на дом. Чего угодно доставку: суши, пиццы, блинов – всё пусть везут. Привезти-то они привезут, но как войдут? Котлован... Подстёгиваемое аппетитом воображение разыгралось. Колонна фургонов. На крышах реклама: гигантская банка пива, пицца для Гаргантюа, – Ключик сглотнул слюну, – тарелка с блинами, сёмга и лосось, роллы с икрой, улыбочивый жареный поросёнок, но – стоп! С банкой пива фургон передними колёсами ухает в яму, в зад ему бьёт пицца-гаргантюа, блинчики наезжают, за ними роллы, в икру суётся

пороссячье рыло. Орёт прямо под окном клаксонами провизия для потерпевшего, а сам он из окна видит оком, но зубом – никак. Но к Вельможным – нет. Ни за что. Говорите, потерпевший? Тогда доставляйте хоть автовышкой. Срочно. Потому что есть хочу, умираю.

Гражданин Ключко схватился за телефон и мигом набрал номер службы быстрого реагирования. Тоже автомат. Да. Да. Нет. Ключко. Да. Валентин Юрьевич. Да. Регистрационный номер? Не помню. Нет, только не прекле-чайте... А, чёрт! Ладно, ещё раз. Да. Да. Да. Ключко. Да. Валентин Юрьевич. Нет. Господи, опять эта идиотская музыка! Эвакуация? Нет! То есть... Не переключай!.. О, небо! Пройдя по кругу в четвёртый раз, Ключик нащупал лазейку: «другие вопросы». Минутное прослушивание всё той же баркаролы, – и потерпевшему предложили наговорить после сигнала, чего он хочет от службы быстрого реагирования.

– Пожалуйста, если вас не затруднит, я хотел бы чтобы каким-нибудь образом... Ну, вы понимаете, я не могу выйти, потому что рядом с домом вырыли котлован эти... Строительная компания... Подождите, я ещё не!

В трубке гудки. Пришлось опять набирать номер и по лабиринту возможностей пробираться к «другим вопросам». На этот раз потерпевший Ключко вёл себя умнее.

– Еды! С доставкой к месту происшествия! И мусор что-бы. С доставкой от. А еды вот какой... Сейчас я подумаю. Э-э... Пиццы я не хо... Да стойте же!

– Ваше сообщение будет передано диспетчеру, – пообещал автомат и повесил трубку.

«А ну их. Не всё ли равно? Пусть хоть чего-нибудь привезут», – решил голодный артмастер и больше по «другим вопросам» звонить не стал. Собирался жене звякнуть, но трубка вновь подала голос. Вызов. «На ловца и зверь бежит», – подумал Валентин Юрьевич и оказался прав.

– Что там у вас? – мужской унылый голос спросил. – Говорите, слушаю.

«Диспетчер! Живой!» – обрадовался Ключик. Диспетчер попался полуживой; впечатление было такое, будто разговаривает, борясь из чувства долга с жестоким приступом зубной боли. Он не перебивал, трубку не бросал, всё выслушал: про котлован и разговор с застройщиком, про то, что из дому выйти теперь решительно невозможно, про то, что жена в столице как раз занимается поиском новой квартиры, про срочный заказ и...

– Понятно, – оборвал поток жалоб диспетчер. – Я направляю представления в прокуратуру и надзорные органы. Срок рассмотрения – не более семи рабочих дней. Строительство будет временно приостановлено. Спасибо вам за сигнал. Всего хорошего.

– А еда? – поинтересовался потерпевший.

– Тут, тут, тут, – ответила трубка.

«Не тут-тут, а неизвестно где», – огорчился Ключик, повесил трубку, но она ожила снова. «Кто теперь?»

– Пиццу заказывали? – пробасил телефон раздражённо.

– Пи... пиццу? Да!

– Девичья десять?

– Да.

– Ну и как я к вам заеду?! Заказываете, а мне тыркаться. Не заедешь, не дозвонишься, а вы потом жалуетесь, что опоздал. Ну! Заехать как?!

– А вы где стоите? – спросил Валентин, открывая окно. Ожидал увидеть синюю машину спасателей или на худой конец автовышку электриков. Уличный фонарь не горел, в окно дохнуло сыростью. Дождь?

– Да возле дома вашего, рядом с ямой. Забор не могли поставить? Я чуть машину туда не уронил.

Какой-то фургон с видом утомлённой от долгих странствий серой улитки мок у края дороги. Больше машин на улице не было.

– Доставка пиццы, – прочёл Валентин надпись на заляпанном грязью борту.

– А вы чего ждали? Катафалк? – мрачно огрызнулся бас. – Где вы там?

– Окно второго этажа, – ответил Ключик.

– А, уже вижу.

Из тьмы вынырнула фигура, видная в скудном оконном свете плохо. Экспедитор.

– И что дальше? – спросил он, задравши голову. – Ты прыгнешь или мне взлететь?

В руках у него Валентин увидел гигантских размеров коробку, подумал сглотнув слюну: «Для Гаргантюа маловато, но мне в самый раз».

– Вас разве не предупредили? Я не могу выйти, потому что... Ну, вы сами видели. И спуститься не могу.

– Так соседей попроси, чтоб через окно забрали.

– Нет там никого и войти туда я не могу. То есть, могу, ключи есть, но...

– Слушай, не парь мне мозги! Есть ключи – открывай. Нет – я поехал. Ты у меня последний сегодня. Ну! Будешь забирать или нет?

Валентину судорогой схватило живот от голода.

– Да! – крикнул он. – Буду! Сейчас! Только не уезжай!

Метнуться по коридору, скатиться по лестнице, отыскать ключ, отпереть – минутное дело. Свет зажёгся только в прихожей, оконные задвижки Валентин искал ощупью, матерно кроя тех, кто обрезал в гостиной Вельможных люстру. Нашёл, открыл. На подоконник лёг жиденский свет, в сумраке искрами посверкивали дождевые капли. Валентин высунулся из окна, щурясь вгляделся. Экспедитор прятался от дождя у стены, под свесом крыши. Ростом метра два, широкоплеч, сутуловат, челюсть квадратная. Вид у него был такой – сожрал бы, но сыт. Добродушный огр. При иных обстоятельствах, например ночью в подворотне, мог бы и напугать.

– Давай сюда. Дай! – попросил Валентин, пожирая глазами коробку.

– Дай уехал в Китай, – буркнул огр. – Распишись сначала.

Коробка перекочевала на подоконник, поверх неё лёг мягкий влажноватый лист, потом ручка. Картонная крышка была мягкая, тёплая, и пахло же от неё!..

Валентин торопливо расписался и сунул ручку огру.

– Ни хрена не видно, – ворчал тот. – Света у вас тут нет, что ли?

– Люстру обрезали под потолок, – сообщил Ключик. Поискал, куда бы девать пиццу, чтобы закрыть окно, в итоге на полу пристроил.

– Уроды, – прокомментировал огр. – С одной стороны улицу перекрыли, с другой знак висит, односторонка. Никак не заехать. Тебе звоню – занято. Злость меня взяла. Третий заказ, думаю, псу под хвост. Против шерсти поехал. Сюда заезжаю – яма. Ну, думаю... Ты извини, что наорал. Злость взяла. Куда всё катится? Это что же – три заказа обратно на базу везти? Нет, думаю. Или сам сожру, или...

– Обратно везти? У тебя в машине ещё что-то осталось? – с надеждой спросил Ключик.

– Ну да. Пицца – раз. Ещё пицца – два. Борщ украинский с пампушками – три. Кола...

– Давай! Всё давай, что осталось!

– А как же...

– Наличными, наличными!

– Ага, – сказал огр, исчез в дожде и мигом вернулся, волоча коробки и судки. – Э-э... Там салат ещё.

– Всё неси.

– Ага, – сказал огр и снова исчез.

Ключик принял у него салат и бутылки с колой, расплатился. Огр заметно повеселел. Суя деньги без счёта в карман, спросил:

– Вот скажи, чего народ так распадлючился, а? То не так, это не эдак. На три минуты опоздаешь – визгу, ровно свинью режут. Чуть что – жалоба. А сами? То улицу раскопают, а забор не поставят, то ещё чего. Или вот как у тебя – люстру под потолок, чтоб кто-то после них корячился.

Валентин присел на подоконник боком, обхватил плечи руками – зябко, сыро у открытого окна. Ноябрь.

– Не знаю, – задумчиво сказал он. – Как-то так получилось, что всем на всех плевать. Товарно-денежные отношения.

– Да какие там товарные и денежные! Гадские отношения, вот что я тебе скажу. По себе вижу: те уроды денег не дали, я их матюгами, ты денег за них дал – мы с тобой как лучшие друзья за жизнь болтаем. Не так, скажешь? Вот то-то. Ладно, раз такое дело, я домой. Хватит на сегодня. Меня жена ждёт. Поеду, пока дорогу и с этой стороны не перекопали.

Он махнул рукой и нырнул в дождь.

– Будь здоров, приятного аппетита! – услышал Валентин и крикнул в ответ:

– Спасибо!

Огр благодарственного слова не дождался. Стукнула

дверца, прочихался и взревел двигатель. Жёлтые огни габаритов поёрзали туда-сюда в облаках пара, вспыхнули и погасли стопы, фургон развернулся, на миг ослепив Ключика фарами, рванул с места и скрылся там, где некогда был перекрёсток с Черноглазовской, а теперь зиял бетонный рот нижнего яруса дорожной развязки. Прежде чем закрыть окно, Валентин выглянул наружу, опираясь на подоконник. Темнотища. Странно, что напротив нет света в окнах. В девятом номере, когда ни глянь, хоть в три часа ночи, обязательно два-три горят. А теперь нет их. Уличный фонарь почему-то отключен. Жерло тоннеля светится, да ещё какие-то красные лампы слева. Там котлован. Почему не поставили перед ямой забор? Тот, из службы спасения, сказал, что приостановят стройку. Приостановят, и дальше что? Прокуратура, то да сё, но мне легче не станет. Семь дней срок рассмотрения жалобы. За семь дней мир можно сотворить. Да ладно, чего я парюсь, пусть с голубыми слонами прокуратура разбирается, мне-то что. Неделя так неделя. Жратву привозят, что ещё нужно? Эти из службы спасения – хороши гуси. Спасли. Накатали жалобу и заказали пиццу за мой счёт. С плеч долой, из сердца вон. Ну и ладно. Главное что?

Валентин захлопнул окно, защёлкнул задвижки и, нагружаясь коробками, судками и бутылками, провозгласил:

– Главное – есть что есть. Самое время поесть. На голодный желудок думалось плохо, а после еды мозги отказались работать вовсе. Правду сказать, сгоряча Ключик перестарал-

ся. Набил брюхо так, что и потерпевшим себя перестал чувствовать, и к артмастерингу оказался категорически непригодным. Какой артмастеринг, когда в башке вместо мозгов желе, руки как из сырого теста, и одного хочется – растечься по ложу. Хотя на полчасика.

– Часик вздремну, – пробормотал Ключик, борясь с зевотой; сходил в гостиную за телефоном (вдруг Ленка), дотащился до кровати, кое-как постелил, через силу разделся (можно было и не, пару часиков всего), и провалился в сон.

Он был и его не было. Осями пронизывал он место, где хотел быть, осматривался, бесплотным телом брал ветер, пробоовал грунт. Он хотел быть наперекор всему. Склон давит – ничего, подпорную стену туда. Жидковато под ростверком – надо отрастить подлиннее сваи, вцепиться в твёрдь. Всю жижицу, всю мочу выдавить в дренаы, прочь. Только бы занять в мире место. Он привязался осями к сторонам света и горизонту. Пора. Хватит прикидывать, надо быть. Его нервы пронизали грунт там, где быть сваям, он ощутил зуд в бесплотных пальцах – миллиарды бессчётные разбирателей взялись за дело, грунт поплыл, стал проваливаться. Заработал дренаж, всасывая жидкую бесполезную грязь, а в растворе уже зародились собиратели. Карбоновые нити вдоль нервов возникли в жаркой силикатной жиже. Быть! Он уперся в склон

подпорной стеной, остатки грунта сползли в гигантский желудок-котлован. Быстрее! Когти держат, можно стать твёрдо. Громада ростверка обозначилась в котловане, навалилась на свайное поле, прижала. Хорошо! Ещё бетона, ещё! Зуд всё выше и выше поднимался вдоль осей колонн, костенел бактобетонный скелет; позвоночными столбами росли шахты лифтов, вздёргивались перемычки, и рёбрами, строго по горизонтальным осям, топорщились монолитные плиты. Голодно ему было – ещё бетона! Сухо – ещё воды! Тяжко было не упасть, удержать себя. Микроскопические жилы карбоновой арматуры напряглись, стянули тело, он ощутил упругую свою мощь. Плёнками стен оделся скелет. Под ростверком просел грунт, ветер давил, но всё это пустяки. Надо быть!

Тесно, расти некуда. На юг нельзя, запрет. На запад? В свой черёд. На север? Можно бы... Позже, позже. Ох, как тесно! На востоке у цоколя мелочь, скорлупка. Тоже нельзя?

Артерии и вены снизу доверху пронизали его, вознося к самой макушке воду и унося нечистоты прочь. Мало воды. Сухо в артериях. Если бы не скорлупка на востоке... Онглянул на присосавшегося к водной артерии смешного клопика в дурацкой серой шапке о четырёх углах. Никто такого уже не носит. Из-за него не дают пить. Клоп живой ещё? Если подмыть грунт с этой стороны и поднажать слегка...

Он стал теснить клопа. Треснули скорлупные стены. Ещё! Чтобы разъехались подстропильные балки и схлопнулась кровля. Ну же! Потом растереть в крошку и съесть, а дере-

вянные кости сплюнуть... Кто там копошится?

За миг до того как рухнули стропила жалкой коробёнки, он понял: там, на скате шиферной крыши – это же я!

Перед глазами белое. Не вода в висках, а кровь. Душно. «Хватит орать, это был сон, – подумал Ключик. – Опять в шлеме вчера пересидел. Белое – это потолок. В спальне я, а не на крыше. Господи, ну и бред!»

Рядом с ухом заверещал вызов, в мозг воткнулся буравчиком. «От него и проснулся», – понял Валентин. Нашупал телефон, ватной рукой понёс к уху.

– Валя? – в трубке шелестнул незнакомый голос. Ключик заставил себя узнать жену. Что-то случилось?

– Валя, нам нужно серьёзно поговорить.

Валентин Юрьевич что-то промычал в ответ. Серьёзно? В такую рань?.. Он повернул голову, глянул на часы. Десять утра. Не такая и рань. Голова никуда не годится, бытовой камень, железобетон ржавоармированный. Поговорить, да ещё серьёзно?

– Говори, – сказал он хрипло.

– Валя, ты должен меня понять. Можно и без объяснений обойтись, но я так не хочу. Ты никогда меня не понимал, Валя. Собой одним занят был и фантазиями своими. Я не могла так: ты дни и ночи с дурацким горшком на голове, вокруг

грязь, пыль, старьё. И старичьё одно. Соседи твои жуткие. А я ведь ещё не старуха, Валя, мне жить хочется!

Ключик молчал, силясь понять, чего от него хочет жена.
«Жить? А мы что делаем?»

– Молчишь, Валя? Слов от тебя не дождёшься, разве что раз в месяц ради праздника. Зря я тебе позвонила, Женечка был прав. От чём тут говорить? Я отправила тебе требование, найди его в почте, подпиши и отправь обратно.

– Какое требование? – с трудом ворочая языком, спросил Валентин Юрьевич.

– Ты не понял ещё? Знаешь, раньше ты казался умнее. Женя сегодня ночью сделал мне предложение. Я не смогла... и не захотела отказать. Я долго терпела, но после вчерашней грубости решила – хватит.

В голове Ключика мешанина, обрывки мыслей: «Какое предложение? Обмен? Терпела она, терпела, но не смогла ему отказать. Сегодня ночью, после вчерашней грубости. Кто-то вчера был с ней груб. Я? Не помню. Нет, помню. К чёрту послал её и всех остальных. Все остались, она пошла. Какое предложение?»

Очевидно, последний вопрос он ухитрился произнести вслух. Во всяком случае, Елена Викторовна ответила:

– Завидное предложение. Ты всё-таки решил меня помучить? Хочешь, чтобы я прямо сказала? Я развожусь с тобой и выхожу замуж за Женю. Требование я тебе прислала, подпиши.

Ключик положил телефон на подушку. В трубке шелестел Ленки Викторовны голос, но слушать всякую чушь не хотелось. Ключик сбросил вызов. Выдохнул, вдохнул. Телефон зазвонил снова. Прослушав пиликанье четыре раза, Ключик всё-таки поднял трубку.

– Не дури, Валя, не отключайся. Чего ты ещё от меня ждёшь, каких признаний? Не хотела я, ну ладно, получай. Я тебя никогда не любила, и даже не пыталась сделать вид, что люблю. Тебе же никто, кроме тебя самого, не нужен! Никого вокруг не замечаешь, сидишь себе... Как ты говорил? В башне из слоновой кости? Ты себе льстишь. Не из слоновой. В костлявой пыльной башне сидишь, в грязи по уши. Ну и сиди себе. Я, если хочешь знать, для того только за тебя вышла, чтобы не видеть больше никогда гнусную общагу. Вонючая конура три на три, в душевой под ногами ржавые потёки...

Ключик перестал слушать. Слез с кровати, понёс трубку к окну. От света резь в глазах, слёзы. Конура была вонючей, а башня оказалась пыльной. А тут подвернулся вид на реку. «Душно мне», – подумал Ключик и открыл фрамугу. Лицо и плечи окатило холодом, но легче не стало. «А как же обмен?»

– Как же обмен? – спросил он у трубки.

– И знаешь, в последнее время я... Что? А, обмен. Ну зачем нам с Женей теперь обмен? Нам и здесь хорошо. Ох, как же здесь хорошо! Утром сегодня я в первый раз в жизни

видела рассвет! Прямо из окна спальни...

Ключик снова перестал слушать, высунулся в окно чуть ли не по пояс. Плевать, что холодно. Трубку держал двумя пальцами на вытянутой руке. «Да, с рассветом туго у меня. На востоке сплошной железобетон; на юге слепые окошки паркинга, а выше – зеркала; на западе теперь будет бактобетон».

Желтоватым рифом из земли лез бактобетонный монолит, поверху увенчанный стальными фермами. На ажурных рамах ворочались головы активаторов, над кромкой стены простым глазом можно было увидеть мутную сеть карбоновой арматуры. В трубке шелестел чужой голос; вероятно, Елена Викторовна делилась восторгами. Рассвет. Прямо из окна спальни. Предложение, от которого не смогла и не захотела отказаться. К свиньям собачим.

Ключик выпустил трубку. С отстранённым интересом проследил, как она хлопнулась об железобетонную четырёх-ступенную лестницу и как брызнули во все стороны осколки белой пластмассы. Вдребезги, к свиньям собачим. Искорёженная белая тушка осталась лежать, вывалив внутренности, на второй снизу ступеньке.

Напрасно разбил. Как теперь звонить в мэрию? Как жратву заказывать? Развод ей подписать. Ага, сейчас. Прямо так, без штанов, и побегал. Совет да любовь. В доставку можно звонить из мастерской, не снимая шлема. В мэрию тоже. Вообще больше не буду оттуда вылазить, пошла ты в задницу вместе с Женечкой. Обмена, говоришь, не будет? Пол-

ковник с котом и старушкой в совмещённом сортире на кругу тридцать восьмого, значит, теперь побоку. Невеста Жечкина тоже там же. Все триста сорок шесть – или сколько там? – звеньев обмена Елене Викторовне больше не нужны. Свободны, ребята! Ну, чего уставились? Пошли, пошли! И я с вами.

Валентин Юрьевич со стекольным дребезгом захлопнул фрамугу, глянул на глянцевито-чёрный шар, тот уютно подмигнул огоньками. Удобно, когда мастерская в двух шагах от кровати. Можно вообще не вставать. Жаль только, на жратву отвлекаться нужно и прочие глупости. Какой дурак в инструкции написал, что работать лучше всего сидя?

– Недоработка! – злобно сообщил артмастер шлему. В ушах шумело. Собственный голос казался незнакомым. И вообще всё странно: сон, звонок, развод. Что-то робко шевельнулось в душе артмастера. Да правда ли это? Впрочем, легко проверить. Что телефон разбит – ерунда. Она сказала, посмотри в почте.

Валентин не заметил, как оказался возле терминала. «Эк их нападало! Спам. Опять спам. А это гриб вчера прислал, письмо открыто, я его читал. А, вот оно». В глазах потемнело. Выпустив воздух сквозь зубы, Ключик грохнул по столу кулаком.

– Ну тихо, тихо! – прошипел он. – Терминал только не вздумай выбросить.

Значит, правда.

И тут вместо очередного приступа ярости Ключиком овладело тоскливое безразличие. Орать, кулаком стучать, самому следом за трубкой выкинуться из окна? Смешно и глупо. Хотел, чтобы все тебя оставили в покое, дали бы работать? Покойся. Requiescat, как сказал бы Василий Степанович. В конце концов, это не худший выход и для тебя и для неё. Заказ получил? Работай. Давай, давай.

Артмастер подобрался, глянул на шлем, прикинул: нет, сначала поесть, иначе дела не будет.

– Но развода всё равно не дам, – сказал он терминалу и отправился, шлёпая босыми ногами, на кухню. Официальная форма требования развода осталась висеть на экране в ожидании подписи.

Глава пятая

Поесть перед сеансом артмастеринга – это святое, на голодный желудок голову в шлем совать себе дороже. Одними кошмарными снами тогда не отделаешься. Было однажды с Валентином Юрьевичем такое – нахватался всякой дряни в мозг, чуть богу не отдал душу. Сны тоже мерзость, но от них есть средство. Проснуться. Ну это же надо – бактобетонным домом себя вообразить! Если разобраться, ничего странного. Образование не пропёшь и на арты не разменяешь. Плюс два поколения архитекторов и невесть сколько строителей. До седьмого колена и дальше. В генах уже. Были бы дети...

– Ну, хватит! – оборвал нехорошие мысли артмастер, с ненавистью разглядывая остатки пиццы. Доесть надо было, а кусок в горло не лез.

С чем хоть она? Ананасы и курица.

– Ешь ананасы, курицу жуй, – продекламировал Ключик, разрезая пиццу на мелкие кусочки. Какая-то резиновая. Многоразовая?

«Переходящая курица. Точно как та, которую притащил Екатерине Антоновне муж её Павлик», – подумал, опуская руки, Ключик.

– И что мне с ней делать? – спросила набожная Екатерина Антоновна, подняв глаза к потолку. Никакого разъяснения свыше не поступило.

– Что мне с ней делать? – повысила голос госпожа Заяц. Муж ответа не дал, успел улизнуть «по делам», оставив жене подношение в виде курицы.

– Что мне делать с тобой? – спросила Катя, почтив тушу, разлёгшуюся на разделочной доске, укоризненным взглядом, точно не курица перед нею была, а беспутный младшенький Алик, коего с полгода тому назад удалось сбить с рук на руки молодой жене. Курица смолчала, как и Алик в подобных случаях.

Екатерина Антоновна наклонила голову и критически оглядела мужнино приобретение. Оказывая многочисленным родственникам мелкие услуги, Павлик стеснялся брать деньги, но от подарков отказываться было ему неудобно, да и охотничий инстинкт мешал возвращаться к жене с пустыми руками. На этот раз добытчик постарался на славу, птичку приволок капитальную. Грудка тугая, окорока мощные, голени длинные, мясистые – хоть сейчас в кордебалет. «Алик вон тоже выбрал себе кордебалетку: грудка, окорока, голени... – думала о сыне Катя. – Имя одно чего стоит! Элеонора! Торговка».

Она поджала губы. Смутить взглядом курицу нечего и пытаться. Понятно, что толку от неё при нынешних обстоя-

тельстввах не много. Дочери выросли и в порядке старшинства выскочили замуж, а сын окольцован торговкой. Бедный мальчик!

Справедливости ради надо заметить, что сам двадцатипятилетний мальчуган обездоленным себя не чувствовал. Чего ещё от жизни желать? Жена – красавица: грудка, бёдра, голени. Дом – полная чаша: диван, пиво, терминал во всю стену. А обострения внутрисемейного конфликта, когда тёща слишком уж насаждает, пытаясь приспособить зятя к семейному бизнесу директором, можно и у мамы Кати переждать, как бы в эмиграции, благо – дом родной через дорогу. Гонимый тещею Алик в эмиграции оказывался часто и всякий раз приносил матери в подарок ценную вещь. Из одежды что-нибудь или из мебели. Накануне, после оглушительной ссоры с женой, он подкупил Василия Степановича Вельможного посулами даровой выпивки, и они вдвоём к величайшему удовольствию зрителей приволокли в дом номер десять из квартиры молодожёнов диван. Стали праздновать победу, однако во пиру Алик внезапно ощутил необоримую тягу воссоединиться с супругой. Екатерины Антоновны дома не было, удержать сына от очередного опрометчивого шага она не смогла. Узнала об этом Катенька позже, по дороге домой, от Зинаиды Исааковны Гольц. Та, заходясь от восторга, поведала про возвращение блудного дивана в дом номер девять на третий этаж и про комментарии, какими мать Элеоноры, Александра Яковлевна Дончик, сопровождала это дей-

ство с балкона.

«Как есть торговка», – печалилась над куриною тушей Екатерина Антоновна. Несправедливой была к новым родичам и пристрастной. Мадам Дончик торговкою стала не сразу, раньше была завучем по внеклассной работе, русский язык преподавала в старших классах и литературу, чем, вероятно, и объяснялся богатый её словарный запас.

Птичка, развалившаяся перед Катей Заяц в развратной позе, была чересчур велика. Прямо девушка с веслом, а не курочка. «На Алика надежды нет, опять его сцапали, – прикидывала Катенька. – Павлик неведомо когда вернётся и окажется сытым. А курица ну просто непристойных размеров». При мыслях о непристойности и размере в голову Екатерине Антоновне пришла великолепная идея. «Зина говорила, что Оля ждёт в гости своего Заури. Он покушать не дурак. Чахохбили. Отнесу ей».

Екатерина Антоновна переложила курицу в миску и понесла Ольге Александровне.

– Здравствуйте, Зиночка, – мимоходом сказала она при открытой двери квартиры номер пять и позвонила в третью квартиру.

Ольга Александровна Вельможная пребывала в состоянии нервическом. Действительно ждала Заури – тот прислал телеграмму из одного слова: «Еду». Мужа Оленька не ждала, он третьи сутки кряду устранял порыв на магистрали, и ясно было, что вернётся в состоянии вещества, а не существа.

Дочь не ждала тоже, хотя и опасалась, что Василиса ворвётся некстати, как и в прошлый раз. На веранду не вышла, а, колыхая телесами, выпорхнула. Ожидания и опасения читались на лице её ясно.

– А, это ты, – с видимым разочарованием протянула она, увидев соседку.

– Оленька, возьмишь эту даму? – спросила Катя. – Моих мужчин нет, а мне самой с нею не справиться.

– Вася на аварии, – скучливо пожаловалась Ольга Александровна. – Зачем мне...

– Чахохбили, – интимно шепнула Катя.

Лицо и шею Оленьки замело румянцем.

– Возьму, пожалуй, – сказала она, ухватила миску и скрылась, не забыв прикрыв за собою дверь.

Помедлив, Екатерина Антоновна собралась уходить, но Оленька выскочила снова, сунула какие-то деньги и с криком: «Миску после, после!» – исчезла.

– Не надо денег! – запоздало возразила Екатерина Антоновна.

– Надо, Катенька, – ехидно пискнула из недр квартиры номер пять Резиновая Зина. – За удовольствия нужно платить.

Екатерина Антоновна пожала плечами, сунула деньги в карман халата и неспешно направилась домой. Куда торопиться? Погода хороша, весна! Тепло, скоро зацветут акации! В Сухуми весна богаче, конечно, однако и здесь хороша! И не надо, совсем теперь не надо возиться с готовкой!

Катенька вдохнула полной грудью, заворачивая за угол. Благодарить! И у Алика семейная жизнь наладилась. Алик?

– Алик? – удивилась Екатерина Антоновна, увидев сына. Тот не расслышал, потому что кричал, стоя на другой стороне улицы под балконом.

– Мещане и торгаши! Всё, к чему прикасаетесь, превращается в деньги! Но меня не втравите! Так и передайте своей Линочке!

Полные презрения выкрики Алик посылал вверх, адресуя балкону третьего этажа, оттуда ему полнозвучно отвечала Александра Яковлевна Дончик.

– А! Ты слышала, Элеонора, как нас называет этот вислый импотент? Деньги ему, диванному валику, не нравятся! А кухонный телевизор куда хотел уволочь, нищеврод?! Мы прикасаемся?! А ты! Во что ты всё превращаешь, комнатный ты раздолбай?! В дерьмо!

Александра Яковлевна добавила ещё пару эпитетов, касающихся личности зятя, а не его продукции, но Екатерина Антоновна слов не поняла, потому что не имела филологического образования.

– Алик! – сказала она в полный голос. На этот раз сын услышал, потому что молча открывал и закрывал рот – пытался прожевать то, чем угостила его тёща.

– Мама! – с надрывом выкрикнул он, тряся воздетой к балкону рукой. Вид у него был жалкий.

– Алик, ты не должен всё это выслушивать, – твёрдо ска-

зала Катенька. – Иди домой.

Алик медлил, ему было стыдно. Домой? С пустыми руками?

– Домой! – прикрикнула Катенька, дождалась, пока сын исполнит приказание, после подняла голову к балкону, где всё ещё пребывала мадам Дончик, похожая на необъятную оперную Джульетту.

– Ты! – сказала она. – Повтори, как назвала моего сына!

Оклик её отбился эхом от пятиэтажной громады и ударил в окна дома номер десять. Зрители невольно отшатнулись. Все знали, с Екатериной Антоновной, когда задета честь её детей, лучше не связываться. В наступившей тишине мадам Дончик ретировалась, грохнула балконная дверь.

Екатерина Антоновна обвела тяжёлым взглядом глазницы девятого дома. Два-три окна при этом захлопнулись, дрогнули занавески. Катенька удовлетворённо кивнула и повернулась, чтобы идти домой. В квартире Зинаиды Исааковны хлопнула форточка. Всё было в порядке, одно плохо, нечем накормить Алика. Лучшее средство от семейных неурядиц – плотный обед, мужчине нужно мясо или на худой конец мясо птицы.

Изгнанника она обнаружила в кухне на табурете возле стола. Скрючился там, точно роденовский мыслитель, только что не голый.

– Алик, не грызи ногти, – машинально проговорила Екатерина Антоновна, придумывая слова утешения.

Сын опустил руку, в глазах его дрожали слёзы.

– Мама, она сказала... Я не могу... Не! Мо! Гу! Она ска... – тут ему перехватило дыхание. Он отвернулся, обхватив руками кудрявую, как у самой Катеньки, голову.

«Вот бы сейчас ему подsunуть борщика, а потом куриную ногу», – думала мама Катя. Сожалей не сожалей, утраченного не вернёшь. Курица будет порублена в куски для улаживания южного гостя Оленьки, и значит, придётся обойтись словами.

– Всё ты можешь, – сказала Екатерина Антоновна, пойдя к сыну ближе. – Мало ли что она сгоряча сказала. Не всё же надо слушать.

Мама Катя потрепала сына по плечу, сказала:

– Ну же! Хватит, давай подумаем...

– Ты не понимаешь, мама! – Он стряхнул с плеча её руку. – И никто!

Алик глубоко переживал свою мужскую несостоятельность. Домой вернулся с пустыми руками, обратно путь закрыт, потому что нечего, ну совершенно нечего предложить Элеоноре хотя бы в зачёт, в виде залога будущих успехов.

– Я не! Мо! Гу без неё! Ну что! Что я могу ей дать?!

Екатерина Антоновна огляделась. Ничего достойного внимания в кухне не было, если не считать самого Алика, а он, объективно говоря, мало на что годился в таком состоянии.

«Что бы ему такого с собой дать? – прикидывала мама

Катя. – Тьфу ты! Кого это несёт?»

В дверь звонили. Не позвякивали, не тренькали, а трезвонили, не переставая.

– Сейчас! Да иду же, иду! – поспешно спускаясь по крутой лестнице, кричала Екатерина Антоновна. – Что вы с ума сходите? Сломаете звонок! Оля? Что с тобой?

Ольга Александровна была не в себе. Одною могучей рукою прижимала к груди курицу в миске, другою оперлась на кнопку звонка. По щекам её текли слёзы, оставляя на тональном креме чёрные дорожки, словно мазки туши на китайском шелку. Подбородок дрожал у Ольги Александровны, говорить она не могла.

«Что с ней? Вася вернулся некстати, застал, избил? Следов вроде бы нет. Что у неё в руке?»

Екатерина насильно отняла Оленькину руку от пуговки звонка и отобрала у соседки мятый лист бумаги. Телеграмма. На сей раз Заури раскошелился на два слова: «Нэ еду». Правду говорят – отказать сложнее, чем согласиться, поскольку слово «нет» на одну букву длиннее, чем «да».

Ольга Александровна, горестно кивая и всхлипывая, совала Катеньке нетронутую куру. «Да, ей теперь такая дурища ни к чему», – решила Екатерина Антоновна, приняла миску вместе с содержимым и сказала как можно мягче:

– Оленька, подожди, я сейчас верну денежку.

Ольга Александровна одною ладонью закрыла лицо, другою замахала, отступая. Говорить она всё ещё не могла. Так,

без единого слова, и кинулась прочь, шлёпая домашними туфлями. Жаль было её, но Екатерине Антоновне пришла в голову новая великолепная идея.

– Алик! – сказала она, появляясь на кухне с добычей. – Вот это отнеси Линочке, скажи, что готовил для неё сюрприз, хотел запечь в фольге. Ты, я надеюсь, помнишь, как это делается? Или написать на бумажке? Фольга есть?

Екатерина Антоновна стала искать ручку, чтобы на обороте злополучной телеграммы набросать сыну рецепт восстановления отношений.

– Помню, я помню, – пробормотал Алик, пожирая взглядом куриные гладкие бёдра. Какие-то у него возникли приятные ассоциации, настроение поползло вверх. – Но как же я буду? Что она скажет?

– Делай, что я говорю, – приказала Екатерина Антоновна. – На слова этой гар... На слова Александры Яковлевны не обращай внимания. Или вот что скажи: женщинам-де мясо поручать нельзя, они его только портят. Скажи, мужчины – лучшие повара. Ну всё, иди. Слышишь, что я сказала?

Вытолкав сына вместе с курицей за дверь, Екатерина Антоновна вознесла горячую молитву, чтоб наконец наладились у Алика отношения с женой и её матерью, потому что терпеть такую жизнь совершенно невозможно. Всею душой благочестивая Екатерина Антоновна хотела, чтобы прошение там наверху было рассмотрено и удовлетворено. Вероятно, её слышали, но постановление вынесли странное.

Минут через двадцать в дверь позвонили снова. Катенька, хватаясь за сердце, поспешила открыть.

На пороге, потупившись, переминалась с ноги на ногу Александра Яковлевна Дончик собственной персоной.

– Про... проходите. Про... прошу, – заикаясь от неожиданности, проговорила Катенька.

– Простите великодушно, – глядя в сторону, выдавила бывшая учительница языка и литературы, ныне торговка мебелью. – Мне очень жаль. Я вспылила, наговорила лишнего вам и Али... Александру Павловичу. Вот.

Катенька, повинувшись порыву, протянула руку – мириться, но мадам Дончик не с пустыми руками пришла.

– Извините, – торопливо выговорила она, и, чтобы завершить неловкую и мучительную процедуру, слишком похожую на дачу взятки, отбыла.

Катенька какое-то время оторопело разглядывала деньги, потом затворила дверь и поднялась в кухню. Прилично ли возблагодарить провидение за удачно проведенные сделки, она не знала. Спросить бы у мужа, тот прекрасно разбирается в путаных богословских вопросах, но, как на грех, нет его.

Екатерина Антоновна уселась за кухонный стол, выложила на девственно чистую скатерть телеграмму, деньги, полученные за курицу от Александры Яковлевны, затем вытащила из кармана халата взнос Ольги Александровны и присовокупила к выручке. Призадумалась, но ненадолго. Услышала, как поворачивается в замке ключ. «Павлик?» – встрепе-

нулась она, но выйти навстречу мужу не успела, тот оказался проворнее. Вбежал по лестнице, чмокнул жену в затылок, и сходу:

– Откуда деньги? Устал, есть хочу, сил нет. Где курочка? Знаешь, кого встретил по дороге? Помнишь, такой чёрный, мохнатый, имя я забыл, который приезжал к Олечке. То ли Даурия, то ли Заурия, в общем оттуда.

– Заури, – поправила мужа Катя, пытаясь собраться с мыслями, чтобы получилось объяснить связно, откуда деньги и почему нет в доме приличной еды.

– Вот-вот, его. То-то скандал будет, когда Вася вернётся, я его видел возле продуктового на Черноглазовской, но по квартире говорить с ним не стал. Когда Вася трезвый, с ним невозможно, кощунствует. В продуктовый, извини, тоже не пошёл, устал. Есть хочется. А где курочка? Слишком они с Ольгой шумные, слушать – только греха набираться. Заведутся – точно как Зина с Ядвигой, хоть святых выноси. Вот бы получилось разъехаться! Катя, представь: тишь, благодать, курочки по двору бегают. Кстати...

– А с Вельзевулом ты уже говорил о квартире? – поторопилась вставить Екатерина Антоновна, потому что ещё не успела собраться с мыслями.

– Господь с тобой, не поминай к ночи.

– Почему? Ему, кажется, больше всех надо, в пристройке просел фундамент или что-то в этом роде. Помнишь, Валя ему говорил, надо поправить обмостку.

– Отмостку, зайныка. О Валентине тоже не напоминай. Упрямец, выгоды своей не понимает, слушать ничего не хочет, сквернословит только. Никакого с ним не выходит разговора. А хорошо было бы уломать его. Сейчас только смотрел домик – загляденье, просят недорого. Осталось бы... Да, зайныка, день сегодня, благодарение богу, хороший выдался, суматошный только. Устал я, проголодался. А где курочка?

Ключик помотал головой, словно хотел вытрясти оттуда куриную историю. Пора забыть и Зайцев с их роднёй, и Вельможных. Рассобачились и разъехались, как ни хорошо было вместе. Чего вспомнил-то? Только ли из-за курицы? Валентин с отвращением глянул на остатки пиццы. Нет, не в этом дело. Холодно. Может, из-за грянувшего в тот день латиноамериканского скандала между Заури и четой Вельможных? Теплее, но нет. Кое-что ещё было. Вечером, когда Резиновская Зина в деталях пересказывала всё это Ключику, бросила невзначай: «Вот увидите, Валя, всё это разъездом кончится. Жизнь дала трещину». Над рассказом Валентин Юрьевич посмеялся, на слова умненькой Зинаиды Исааковны вообще не обратил внимания. Вельможные разъедутся? Абсурд. Посмеяться и забыть. Не о Вельможных говорила Зина, и в душу слова запали, раз вспомнил. Совсем горячо, но нет. А Ленка... Да! Вот в чём дело. Жена рассказанную в виде

анекдота историю встретила странно. Екатерину Антоновну привычно обозвала клушей, Александру Яковлевну с Элеонорой – стервами, Зину обругала, как и всегда, непечатно, но Ольгу Александровну почему-то не тронула, даже наоборот – взяла под защиту, хоть никто на мадам Вельможную и не нападал. Горячо! Слишком горячо Елена Викторовна взялась отстаивать несчастную жертву обстоятельств – женщину, вынужденную делить кров с опротивевшим вконец мужем. Даже тогда это показалось Валентину странным – кто-кто, а Оленька уж точно в муже души не чаяла. Теперь-то ясно, что не её защищала Елена Викторовна. Теперь-то...

– Начал, так жри! – с ненавистью выговорил Валентин и стал запихиваться остывшей пищей.

В смежном со спальней микроскопическом кабинете, где дожидается артмастера шлем, стоит на столе терминал. Он включён, никуда с экрана не делась форма требования развода. С опротивевшим вконец мужем. Враньё! Может ли опротиветь тот, кого никогда не любила? И правду, значит, говорила мудрая Зинаида Исааковна в первый после свадьбы день: «Взяла эту крепость, возьмёт и другую». Тогда я не понял, а теперь – да. «Пыльную крепость мою осадил, взяла, поднакопила сил, выбрала направление удара и, когда созрел момент, пошла на приступ. Поняв, что удался штурм, из опорной крепости вывела гарнизон, чтобы не распылять понапрасну силы. Авантюристка? Нет. Трезвый расчёт, ничего личного».

– Ну хватит, – сказал себе Ключик, выбираясь из-за стола. – Так я много не наработаю.

«Екатерина Антоновна считала, что лучшее средство от семейных неурядиц – плотный обед, но до обеда ещё ку-ча времени. И потом, она ведь по незнанию так говорила, – думал артмастер, выходя в коридор. – Два часа в шлеме, вот лучшее средство», – убеждал он себя, проходя мимо разворошённой двуспальной кровати.

– Три-четыре часа и всё, – сказал он, устраиваясь в кресле.

– Часов пять, и память отобьёт напрочь, а эта... – Тут взгляд его зацепился за пустую графу разводной формы на экране терминала.

Вислый импотент. Диванный валик. Раздолбай комнатный. Алик, не грызи ногти. Вконец опротивевший муж. Р-рогач.

– А эта стерва... – начал Ключик, но тошно стало и тоскливо. Хотел сказать, чтоб катилась на все четыре, вместо этого просто ткнул пальцем в экран.

«Дактилоподпись принята, – деловито сообщил мэйлер и тут же спросил: – Вернуть подтверждённое требование от правителю?»

– Да – сказал Ключик, и поспешно, чтобы не передумать, вернул жене подписанное требование.

– Бывшей жене, бывшей. Свободна. Терминал надо выключить, вдруг отправительница захочет рассыпаться в извинениях или, не дай бог, поблагодарить вздумает. Как хо-

рошо теперь это дело устроено! Раз-два и в дамках. Раз-два и к чёрту.

«Что закончилось, могло и не начинаться», – пискнул, подделываясь под Резиновую Зину, внутренний голос. Арт-мастер криво ухмыльнулся, усыпил терминал, взял со стола шлем и, не дожидаясь пока погаснет экран, окунулся в спасительную тьму.

Глава шестая

Он шевельнул пальцами правой руки. Женщина пригнула голову; держась за дверцу, шагнула в салон, опустилась в пассажирское кресло. Дверь захлопнулась, щёлкнул фиксатор. «Опять не переключились настройки», – обозлился артмастер, левой рукой вытащил из пустоты панель команд и полез в переменные. Так и есть, скин сменился, а настройки сиденья остались. Мелочь, но даже и с мелкими недоделками сдавать заказ грибу не хотелось. Вот так вот пару раз лажанёшь, пойдут слухи – Ключик халтурит. Казалось бы, пассажирское сиденье вещь чепуховая... Отнюдь нет. Приедет гриб из... откуда? Безразлично, откуда. За Ариадной Григорий Борисович заедет, она подцокает к машине на шпильках, откроет дверцу, пригнёт голову, а сиденье придвинуто. Ты кого возил, грибочек мой, солнышко? Почему так близко придвинуто? Опять с малолетками развлекался? «Нет, надо поправить». Ключик вбил настроечные переменные по памяти, но сохранять не стал, нужно было подстроить точно под Ариадну. Можно, конечно, и посчитать эргомодулем, но это долгая история, гораздо легче подрегулировать прямо в модели. Артмастер вручную изменил координаты наблюдателя и – р-раз! – оказался в салоне. «Мутит от перемещений, надо заканчивать», – подумал он и повернулся к даме-келу. Женщина без лица сидела в той же позе, в какой её

оставил артмастер. Кукла.

– Надо бы тебя одеть, но некогда. Ничего, потерпишь, – сказал Ключик обнажённому безликому телу. – Ну-ка, спинку ровнее, ножки вытяни!

Он сунул пальцы в зону управления, как в перчатку. Голые кукольные ноги дамеке на дрогнули, женщина откинулась в кресле.

– Ага, понятно. Чуть-чуть вперёд и развернуть, – пробормotal Ключик, левой рукою возясь с движками настроек. – Вот так. Удобно?

Придирчиво всматриваясь – нет, ближе не надо, Ариадна предпочитает туфли на высоких каблуках, – артмастер похвалил себя за проработку деталей: звуки и запахи на месте, с освещением ажур. Когда безликая женщина поменяла позу, скрипнула кожа обивки. Свет из приоткрытого окна переполз по её бедру выше, но кисть руки осталась в тени.

– Всё, можно сохранять, – буркнул Ключик и выдернул из зоны управления руку.

Безликая женщина обмякла в кресле, словно потеряла сознание или заснула, руки её скользнули с бёдер, кисти обвисли. Сохранив изменения, артмастер покосился на дамекен. Опять почудилось. Не может она сама двигаться. Чушь. Просто устал. Шесть суток работы.

– Девяносто два часа и двадцать три минуты чистыми, – уточнил артмастер, мельком глянув на таймер. – Пора заканчивать.

Он открыл водительскую дверцу, не потому что в этом была необходимость – мог же не сходя с места отправить машину вместе с дамекевом в небытие, просто захотел проверить ещё раз: звуки на месте ли? Щёлкнул замок, свет от батареи софитов зажгёт золотые искры на палисандре отделки.

– Валя-а!

Ключик повернулся на голос. Безликая женщина возилась с защёлкой пассажирской двери, дёргала.

– Заело что-то? Валь, не открывается...

Пригнулась, налегла плечом, ногу отставила.

Ключик вывалился наружу, его прошиб пот.

– Валя-а! Поможешь выйти, а? – услышал он из салона.

Артмастер в панике захлопнул дверь, налёг плечом. Вспомнил: там фиксатор, она не сможет открыть.

– Какой фиксатор? – шепнул он. – Кто не сможет открыть? Это же кукла!

Заставить себя заглянуть в салон фантомной модели и проверить, что в пассажирском кресле валяется потерявший управление дамекен, Ключик не смог. Машинально переключился в менеджер задач и уничтожил обе модели: машину и женщину.

– Почу... дилось, – шептал он, трудно дыша.

Конечно, почудилось. И машина, и женщина, и вообще всё в мастерской артмастеру чудится, а значит, жить своей жизнью не может.

– Не может, – стараясь выговаривать слова твёрдо, сказал

Ключик.

Безглазая, безногая, безмозглая голова повернулась к нему. Валя-а! Руки дёргали защёлку и дверной подлокотник. Колено голое выставлено. На ноге растопырены пальцы. Валь, помоги! Рта тоже нет. Голос знакомый, где я его слышал?.. Не помню. Может, во сне. Сны в последнее время странные. Коридоры, лестницы, люди какие-то. И есть всё время хочется, когда не работаешь. А заснуть не получается. Как же не получается, если вижу эти кошмары? В прошлом сне я ел. Проголодался, заказал пиццу. Прямо из мастерской позвонил. В книжке нашёл запись: доставка пиццы. Потом был коридор, лестница, дверь какую-то я открыл ключами. Да, точно, ключ ещё долго подбирал. Там пустые комнаты. Окно. Почему я полез в окно? Не помню. За ручку дёргал-дёргал, и вдруг вспомнил – задвижка же. В окне оказался какой-то тип. Знакомый? Он сказал, привет, давно не виделись. Точно, знакомый. Имя не помню. Голова большая, челюсть квадратная. Огр. Почему Огр? Это имя такое? А, да, он ещё сказал, ты что, меня не помнишь? То-то, что не помню. Но пиццу он привёз, это точно. Что было дальше? Я проснулся? А, да! Он что-то сказал страшное, я испугался, и... Нет, не помню. И чёрт с ним. Пошёл он к Вельзевулу в логово, в квартиру номер шесть, там во сне ему самое... Что за чушь? О чём я?

Артмастер висел в пустоте перед развёрнутой панелью задач, мучительно пытаюсь вспомнить. Хотя за что-нибудь

в пустоте зацепиться. Да! Проект готов.

– Всё. Надо сдавать заказ, – сказал он, глянув на таймер. – Два часа до дедлайна.

Он развернул записную книжку, полистал её, нашёл записку с пометкой «ГриБ», взял из панели задач подшивку с проектом машины-трансформера и уронил её прямо на адресный указатель. Пискнул таймер, остановился обратный счёт. Через раз-и-два-и-три секунды пришло от клиентского портала эхо: арт развёрнут и запущен благополучно. Пожалуй, лучше сразу заскочить к заказчику, сдать работу и подписать акт. Пусть платит, а то с деньгами туговато. Когда платил в последний раз за пиццу... Вот! Надо проверить. Если Огр с пиццей – сон, не совпадёт сумма. «Не мог же я во сне залезть в банк!» Артмастер сунулся в службы, отыскал банковскую пиктограмму, вошёл. Вот здесь, в окошке.

– Ого!

Нельзя сказать, что денег нет совсем.

– Откуда столько?

Сумма впечатляющая. Значит, сон. Но откуда столько денег?

– Ладно, с этим разберусь позже. Всё равно, пусть гриб платит. Лишних денег не бывает.

Ключик вывалился из банка и, не тратя времени попусту, перескочил в портал гриба, благо записная книжка была уже открыта. Чёрная портьера разошлась, повинаясь резкому жесту, и сомкнулась позади. Ключик огляделся. Теперь

не чёрная. Лазурь и аквамарин. Салатные пятна. Под ногами – терракота. Артмастер шагнул. Всё поплыло перед глазами, осколки посыпались. «Тише, сейчас пройдёт. Голова кружится. Опять глючит движок? А я ведь так и не настучал в саппорт. Совсем беда с памятью». Ключик огляделся без рывков, плавно. Прошло. Всё в порядке. Под ногами красноватый гравий – полукруглая дорожка вокруг фонтана. Салатные пятна – это живая изгородь, за нею парк. Лазурь и аквамарин – штильное море под небом. Справа, плавным изгибом, мраморная балюстрада. «Это уже было, – подумал Ключик. – Сейчас оттуда выглянет ряженный дубом гриб и брякнет что-то про измену». При мысли об измене испытал приступ тошноты, но это тут же прошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.